

Ивуа П. д'

**ВОКРУГ СВЕТА
С ДЕСЯТЬЮ СУ В КАРМАНЕ**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Поль Д'Ивуа

**Вокруг света с
десятью су в кармане**

«Алгоритм»

1893

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Д'Ивуа П.

Вокруг света с десятью су в кармане / П. Д'Ивуа — «Алгоритм»,
1893 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03513-5

Поль д'Ивуа (1856–1915) – псевдоним французского писателя Поля Делётра, плодовитого и коммерчески весьма успешного автора более двух десятков приключенческих романов. В данном томе публикуется роман «Вокруг света с десятью су в кармане», где автор яркими красками описывает приключения юноши, Армана Лавареда, во время кругосветного путешествия, которое тот вынужден совершить, чтобы выполнить условия завещания, сулящего ему многомиллионное наследство. Помимо увлекательных эпизодов, описывающих похождения смельчака, рискнувшего практически без денег объехать вокруг света, роман знакомит с жизнью людей в самых разнообразных уголках земного шара.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03513-5

© Д'Ивуа П., 1893

© Алгоритм, 1893

Содержание

Духовное завешание кузена Ришара	6
Прятки	11
Стоянки парохода «Лоран»	19
Крестины в дороге	27
Антильское море	31
В Америке	35
В Коста-Рике	45
Одиссея президента	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Поль д'Ивуа
Вокруг света с десятью су в кармане

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Духовное завещание кузена Ришара

– Итак, ваш ответ?
– Я уже вам сказал, господин Буврейль: никогда!
– Подумайте еще, Лаваред!
– У меня уже все обдумано. Никогда, никогда!
– Да поймите, вы ведь в моей власти, и если выведете меня из терпения, то завтра же вся ваша обстановка будет продана и вы останетесь без крова!
– Прибавьте еще: и без гроша.
– А между тем, если вы согласитесь – вам предстоит прекрасная партия, состояние, независимость.

– И вы воображаете, что я, сделавшись зятем господина Буврейля, бывшего полицейского доносчика и агента по сомнительным делишкам, – не перестану уважать себя?

– Вы, жалкий журналист, должны гордиться тем, что на вашу долю выпадает честь сделаться зятем такого богача, как я! Уж не говоря о том, что дочь моя, Пенелопа, вас любит, что я даю за ней в приданое двести тысяч франков, а в будущем и еще больше...

– Дело не в вашей дочери: меня отталкивает не женитьба и не ваша дочь, а ее отец.

– Нельзя сказать, чтобы вы были очень любезны, господин Лаваред.

– А мне это совершенно безразлично, Буврейль.

У нашего богача был еще последний аргумент. Буврейль стал медленно раскладывать и пересчитывать белые и синие подлинники и копии гербовых бумаг.

– Вот, кроме трех просроченных квитанций, еще и ваши векселя, которые я скупил, чтобы иметь вас в своих руках. Все ваши долги погашены.

– Как это любезно с вашей стороны! – заметил иронически молодой человек.

– Да, но зато теперь я ваш единственный кредитор. Если вы женитесь на Пенелопе, я возвращу вам все ваши долговые обязательства. В случае же отказа я буду вас преследовать по суду.

– Сделайте одолжение... сколько угодно!

– Ведь здесь векселей на двадцать тысяч франков, а с моими издержками сумма эта скоро удвоится...

– Однако и делец же вы!

– Прошу вас решить немедленно, так как мне необходимо ехать в Панаму, чтобы навести справки на месте по поручению акционерного общества.

– И нашло же это общество кому доверить свои интересы... Что касается моего решения, то оно вам уже достаточно хорошо известно, чтобы больше к нему не возвращаться. Итак, покончим, нам не о чем больше говорить. Можете обращаться к вашим судебным приставам, поверенным, адвокатам. Идите, наслаждайтесь вашими гербовыми бумагами, это ваша любимая пища, а я ее не перевариваю... До свидания.

Буврейль собрал бумаги, надел шляпу и, хлопнув дверью, вышел. Он был недоволен.

Как видно из предыдущего разговора, Буврейль был одним из тех людей, которые не только не брезгают никакими средствами для своего обогащения, но еще и требуют всеобщего к себе уважения.

Что же касается до нашего героя, Лавареда, то с ним надо познакомиться поближе.

Арман Лаваред родился в Париже. Отец его был южанин, а мать бретонка. От отца он унаследовал смелость и энергию, а от матери – ее спокойный, рассудительный характер. Кроме того, как дитя Парижа, он отличался живым, насмешливым умом, которого ничем не удивишь и не озадачишь.

Оставшись рано сиротой, он воспитывался у своего дяди Ришара, причем заботы дяди о его воспитании ограничивались платой за уроки и не распространялись на нравственное развитие мальчика.

У дяди Ришара и без того было много забот о своем собственном сыне – Жане, кузене Армана Лавареда. Характеры двоюродных братьев были совершенно различны. Насколько Арман был цветущим, веселым и расточительным, настолько Жан был болезнен, грустен и расчетлив.

Жан был немного старше Армана. В 1891 году первому было около 40 лет, а второму 35. Жан продолжал солидно поставленное большое торговое дело отца и быстро обогатился. Будучи слабого здоровья и тяжелого характера, он кончил тем, что возненавидел даже Париж, Францию, своих друзей и родственников и поселился в Англии, в Девоншире.

Богатством своим он обязан был случайной коммерческой сделке, когда взамен уплаты за нагрузку хлопка в Америке он получил прекрасное имение. При своей необщительности он был вполне доволен, что может жить в стране, где у него не было знакомых.

Тем временем смелый, предприимчивый, любивший разнообразие Лаваред порядком растратил свой капитал.

В 1870 году, еще юношей, он поступил волонтером в армию генерала Шанси, где впервые узнал, что значит храбрость. Затем он снова принялся за науку, попробовал заняться медициной, но, познав близко людские недуги, получил к ним отвращение. Затем он принялся за морские науки, побывал в плавании и даже получил некоторые познания в области кораблестроения. Но как только морское дело перестало быть для Армана загадкой – он охладел к нему и отдался новым увлечениям.

По возвращении в Париж Лаваред отправился военным корреспондентом на русско-турецкую войну, где пробыл все время кампании, был свидетелем осады и взятия Плевны, пробрался в Азию и в конце концов почувствовал, что нашел свое призвание. Из него вышел прекрасный корреспондент. Его можно было встретить в Тунисе, Египте, Сербии, России, Италии и т. д. – словом, везде, где парижская пресса имеет своих представителей. Обладая живым умом, энергией, крепким здоровьем и имея некоторое понятие о всех науках, Лаваред сделался журналистом.

В начале этой главы мы и застаем его в роли журналиста за неприятным разговором с Буврейлем.

Из нашего описания его характера ясно, что Лаваред, тратя деньги без счета, не думая о завтрашнем дне и ставя выше всего свою независимость, не мог быть богатым. Он зарабатывал, правда, много, но не откладывал и жил широко.

Однако разговор с Буврейлем заставил его призадуматься.

«Это животное, – думал он не без основания, – наложит арест на мое жалованье. Он способен наделать мне массу неприятностей, до продажи моего имущества включительно. Но так как он не успеет сделать этого ранее, чем через двадцать четыре часа, то, значит, сутки я еще могу быть совершенно спокоен».

И в самом деле, в этот вечер он заснул сном праведника и проснулся лишь тогда, когда на следующий день его разбудила старушка Дюбуа, относившаяся к нему очень сочувственно:

– Вам письмо, господин Арман. Его принесли от нотариуса. Ваш адрес не был точно известен посланному, и ему пришлось пробегать весь вечер. Где он только не побывал: и в редакции, и в ресторане; в конце концов он пришел сюда очень поздно и поручил мне передать вам письмо рано утром.

– Благодарю вас. Вы уверены, что это от нотариуса?

– Да, по крайней мере, он мне так сказал.

– Я боюсь, как бы это не было от судебного пристава. Не проделки ли это Буврейля!

Лаваред был настолько беспечен, что даже не распечатал письма; он прочел утренние газеты, оделся, отправился завтракать и только по дороге решился, наконец, его вскрыть. Действительно, это было письмо от нотариуса.

Господин Панабер приглашал его прийти безотлагательно по делу, касающемуся лично Лавареда. Самая обычная, ничего не объясняющая формула приглашения. Позавтракав, Лаваред отправился к нотариусу, так как ему было назначено явиться к двум часам.

По дороге он встретил семью англичан, шедших по тому же направлению. Без сомнения, это были англичане; мужчина лет пятидесяти, с классической выдержкой и неизбежными бакенбардами, в клетчатом костюме и дорожном пальто, по которому легко узнать путешествующего англичанина; старушка-мать или гувернантка, в жалкой круглой шляпе с зеленым вуалем и в длинном бесформенном макинтоше, сопровождавшая молодую девушку. Эта последняя была свежа и красива, с тем чудным цветом лица, который присущ большинству красивых англичанок.

Лаваред невольно взглянул на нее.

В ста шагах от них, на перекрестке Шатоден и Фобур-Монмартр, съехались три кареты с разных сторон. Молодая англичанка не заметила третьей кареты и была бы раздавлена, если бы не Арман, который стремглав бросился к лошадям и остановил их.

Кучер выбранился, лошади заржали, прохожие подняли крик, а молодая девушка отделалась только испугом. Она, правда, побледнела, но была совершенно спокойна. Протянув руку Арману, она поблагодарила его крепким пожатием.

– Не за что, мисс, право, не за что...

Отец и гувернантка подошли также к Лавареду и поочередно пожали ему руку.

– Вы меня благодарите так, как будто я действительно спас вам жизнь, – скромно говорил он. – А между тем наши извозничьи лошади так спокойны, что вы, конечно, успели бы пройти.

– Тем не менее вы оказали мне большую услугу; не так ли, папа? Не правда ли, миссис Гриф?

– Конечно, – ответили оба.

– С этих пор я считаю себя обязанной вам. Я никак не могу привыкнуть к парижским улицам и особенно волнуюсь, когда мне приходится отыскивать дорогу.

– Не позволите ли вам помочь в этом? – спросил любезно Лаваред.

Тогда отец вынул из портфеля письмо и сказал:

– Мы идем к нотариусу...

– И я также.

– Да еще к нотариусу, которого мы не знаем.

– Так же, как и я.

– Он живет в Шатоден.

– И мой тоже.

– Господин Панабер.

– Ну, да, это его фамилия!

– Какое странное совпадение!

– Странное – может быть; но для меня весьма приятное. Вы не откажете мне в удовольствии проводить вас?

Приходят к нотариусу, предъявляют свои письменные приглашения, и всех их вводят в кабинет, исключая гувернантку, которая остается ждать в конторе.

«Значит, мы пришли по одному и тому же делу», – одновременно подумали Лаваред и англичанин.

Какая странная игра судьбы! Люди, никогда не знавшие друг друга, призваны вместе к одному и тому же нотариусу, о существовании которого никто из них до сих пор и не подозревал.

Господин Панабер, не любивший терять времени даром, поклонился и сразу приступил к делу.

– Господин Лаваред, господин Мирлитон, мисс Оретт, – начал он, – честь имею выразить вам свое сожаление по поводу смерти одного из лучших моих клиентов, владельца замка Марсоней в Кот-Доре, двух домов в Париже, на улице Обер и на бульваре Мальерб, и замка Беслет в Девоншире. Имя умершего Жан Ришар.

– Мой двоюродный брат! – воскликнул Лаваред.

– Мой сосед! – проговорил англичанин.

И оба посмотрели друг на друга, хотя без недоверия, но с видимым удивлением.

Между тем нотариус хладнокровно продолжал:

– Согласно воле покойного, я пригласил вас сюда, чтобы прочесть его духовное завешание, написанное собственноручно, занесенное в книгу и скрепленное его подписью.

Он быстро прочел обычное обращение и остановился на следующем:

– «Включая вышеозначенные дома и владения, ренты, акции, облигации и наличные деньги, хранящиеся у моего нотариуса, состояние мое достигает приблизительно четырех миллионов франков. Так как у меня нет ни брата, ни жены, ни детей, ни прямых потомков, то моим единственным наследником является мой двоюродный брат Арман Лаваред...»

– Как вы сказали? – прервал Арман.

– Подождите, – возразил нотариус. – «Но я его назначаю полным наследником при одном условии. Так как он не знает цены деньгам и может попусту растратить мое состояние, как он это сделал во время нашей совместной поездки в Булонь-сюр-Мер (это удовольствие обошлось ему в две тысячи франков, тогда как я истратил сто шестьдесят четыре франка восемьдесят пять сантимов), то во избежание этого я ставлю следующее условие: Лаваред должен отправиться из Парижа с гривенником в кармане, как вечный жид. И подобно ему, с этими деньгами объехать вокруг света. Это принудит его быть экономным. Я даю ему ровно год для выполнения этого условия. Конечно, нужно, чтобы кто-нибудь сопровождал Лавареда для контроля над его действиями; для этой цели я назначаю человека, который лично заинтересован в этом деле и на которого вполне можно положиться. Это мой сосед по Бастль-Кестлю, господин Мирлитон, которого я назначаю наследником всего моего состояния вместо Армана Лавареда в том случае, если последний не исполнит в точности предложенного мною условия...»

– Как – меня? – воскликнул англичанин. – Да я ведь очень мало знаю этого оригинала, и у нас постоянно были с ним тяжбы!..

– «Господин Мирлитон, – продолжал непоколебимо метр Панабер, – хорошо умеет отстаивать свои права. Как только мне делалось скучно, я затевал с ним всевозможные споры: то дело касалось общей стены, то реки, разделявшей наши парки, то сбора плодов с деревьев, росших на границе наших владений. Это меня развлекало и разнообразило мою скучную жизнь. Ввиду этого господин Мирлитон, которому я условно завещаю мое состояние, сумеет воспользоваться своим правом. Само собою разумеется, что в случае недобросовестного отношения к бедному Лавареду, господин Мирлитон лишается наследства. Он должен исполнять свою обязанность честно и бескорыстно. Сознаюсь, что не без злорадства предвижу, как мой милый расточительный двоюродный братец будет лишен наследства».

Это чтение произвело различное впечатление на слушателей. Лаваред улыбался, искренно или принужденно, – сказать трудно. Сэр Мирлитон оставался спокойным. Одна только мисс Оретт была видимо взволнована. Она покраснела, потом побледнела и, взглянув на этих двух господ, мечтавших о четырех миллионах, первая заговорила.

– Отец, – сказала она, – ведь ты не способен обмануть этого молодого человека, не сделавшего тебе ничего худого?

– Дочь моя, – ответил он, – дело есть дело, и, конечно, было бы неблагоприятно упустить такое состояние. Невозможно не только совершить кругосветное путешествие, но и проехать на эти деньги из Парижа в Лондон...

– Итак, вы от этого не отказываетесь?

Нотариус вмешался в разговор:

– Если бы ваш отец и отказался, то все-таки Лаваред не получит наследства, не исполнив данных условий. Но если он откажется сам...

– Вы шутите, – воскликнул Арман, – с неба валятся миллионы, и вы думаете, что я равнодушно буду смотреть на них? Кроме того, то, чего требует мой кузен, не так уже трудно исполнить. Тот, кто привык путешествовать между Бастилией и бульваром Мадлен, не имея ни гроша, может съездить к самому черту всего за гривенник!

– Вы хотите попробовать? – сказал англичанин. – Хорошо, сделайте милость. Я постоянно буду следить за вами, и не пройдет двух дней, как я выиграю дело.

– Хорошо, я принимаю вызов, – холодно заметил Лаваред. – Буду ждать вас завтра утром на Орлеанском вокзале!

Затем Арман обратился к господину Панаберу:

– Я вернусь в вашу контору двадцать пятого марта девяносто второго года до окончания занятий.

И он спокойно вышел.

Прятки

Выйдя от нотариуса, Лаваред закурил сигару и шел в продолжение получаса, обдумывая, что ему предпринять. Он нашел свою первую мысль великолепной; ему, как любителю приключений, улыбалась эта поездка за золотым руном. В успехе он не сомневался. Но, обдумывая свой план, он отдавал себе отчет и в тех бесчисленных препятствиях, которые могут ему встретиться. В таких размышлениях он дошел до собора Мадлен. Его задумчивое лицо озарилось улыбкой. Он что-то придумал. Но что же? Перейдя улицу, он вернулся в редакцию своей газеты «Эхо Парижа» и там написал для следующего номера заметку, где, обозначив действующих лиц под очень прозрачными псевдонимами, рассказал всю историю духовного завешания. Затем он прошел к кассе, где его ожидало первое препятствие, а именно: по приказу Буврейля ему не выдали жалованья.

– Хорошо, – сказал он, – это начало!

Он отправился к себе. Тут старушка Дюбуа сообщила ему, что приходил судебный пристав и велел вынести всю его обстановку по распоряжению господина Буврейля.

– А мне какое дело, – сказал весело Лаваред. – Завтра я уезжаю на тот свет!

– Боже мой! – вскрикнула добрая старушка. – Надеюсь, вы не собираетесь лишить себя жизни, господин Арман! Не в деньгах счастье, – утешала она его.

– Успокойтесь, – сказал он, смеясь, – тот свет, куда я отправляюсь, – Америка. Там я должен получить от одного родственника наследство в четыре миллиона.

– Ну и напугали же вы меня!

Лаваред нанял извозчика и велел возить себя на Орлеанский вокзал, в бюро отправки товаров большой скорости; он знал одного из чиновников бюро, которому от времени до времени давал билеты в театр. Пробыв с ним несколько минут, Арман пошел на товарную платформу, где находились различные тюки, ящики, корзины и т. д.

Вполне довольный своим осмотром, он вернулся в бюро и написал накладную, которая удивила чиновника и заставила улыбнуться сопровождавшего его друга.

– Это в Панаму? – спросил надзиратель.

– Да, в Панаму, – ответил Лаваред, – большой скоростью. Этот тюк должен быть отправлен завтра утром с экспрессом.

Затем он снова вернулся на платформу, попросил у рабочего кисть и ведро черной краски и на громадном деревянном ящике написал большими буквами слово «Панама». Ящик имел форму рояля. Лаваред стер все бывшие на этом ящике надписи и снял все ярлыки, затем дал на чай помогавшим ему рабочим, дружески пожал руку помощнику начальника, который не мог сдержать своей улыбки.

– Как шутка – это довольно удачно. Но ручаетесь ли вы, что Компания от нее ничего не потеряет? – спросил помощник.

– Я отвечаю за все. Когда я получу наследство, то обещаю вам хороший обед и ложу в опере.

Затем он снова сел в экипаж и, не теряя времени, отправился на бульвар. Заглянув в портмоне, Арман увидел, что осталось еще несколько луидоров. Надо было их истратить в тот же вечер или ночью, что было, впрочем, нетрудно. Он пригласил нескольких товарищей, заказал обильный обед с хорошим вином, провел превеселый вечер, закончившийся тонким ужином с шампанским... Таким образом, к утру у него осталась только монета в два франка.

– Вот все, что мне нужно!.. Полтора франка на извозчика и десять су – на кругосветное путешествие.

В восемь часов утра наш путешественник отправился на Орлеанский вокзал. Правда, он не спал всю ночь, мысленно решив, что успеет выспаться в дороге. Он быстро исчез на багажной станции.

Через некоторое время среди пассажиров скорого поезда появились наши знакомые.

Вот показался и Буврейль в сопровождении своей дочери Пенелопы и ее горничной.

Откровенно говоря, долговязая, костлявая Пенелопа с желчным цветом лица и надменным, самоуверенным видом, конечно, не могла прельстить Лавареда. Она сознавала, что богата, гордилась этим, и отказ Лавареда жениться на ней оскорбил ее самолюбие. Она посоветовала отцу голодом принудить молодого человека сдаться.

Старый хитрец внимательно читал только что вышедшую газету «Эхо Парижа», а именно заметку Лавареда. Он узнал себя в лице господина Шардонера – «птицы из породы коршунов», пробежал всю статью, читая между строк, затем передал газету дочери и высказал ей свое мнение по поводу статьи.

– Как! – сказала она, прочитав ее. – Этот господин, отказавшийся от меня, получит четыре миллиона, если ему удастся совершить кругосветное путешествие без денег?...

– Одно это доказывает, что он сумасшедший.

– Надо надеяться, что это предприятие ему не удастся.

– Будь спокойна, он скоро вернется в Париж, сконфуженный и полный раскаяния. Он так запутался в моей сети векселей, что будет счастлив заключить мир, прося твоей руки.

Пенелопа вздохнула. И без того некрасивая, она становилась прямо уродливой, когда вздыхала.

– А ведь как хорош-то! – сказала она, закатывая к небу глаза цвета помоев.

В это время носильщики перевозили в тачке ящик, форма и размер которого привлекали всеобщее внимание.

– Смотрите, – сказал господин Буврейль, – вот ящик, который отправляется туда же, куда и я.

– Его отправляют в Панаму? – спросила Пенелопа.

– Да, так на нем написано.

– Это, вероятно, рояль.

– Должно быть, какой-нибудь инженер хочет усладить свои досуги среди болот.

– Остерегайся, пожалуйста, лихорадок, папа.

– Успокойся, с деньгами и здоровьем купить можно. Кроме того, я там долго не пробуду. Мне только надо осмотреть дровяные склады, проверить расходы и состояние работ. Я сделаю себе только пометки, а на обратном пути на пароходе составлю отчет для Компании. Все это займет не более двух недель.

– Значит, ты будешь в отсутствии приблизительно недель шесть?

– Не более. Я тебе телеграфирую о дне моего прибытия туда и о дне выезда.

Сказав это, Буврейль сел в купе первого класса, куда не замедлили прийти еще двое пассажиров.

Сэр Мирлитон в сопровождении своей дочери мисс Оретт и гувернантки миссис Гриф прибыли на вокзал в назначенный час с точностью, свойственной англосаксонской расе. Они везде искали, но нигде не нашли Лавареда. Этот последний, как нам известно, не мог быть на пассажирской станции.

– Неужели он уж отказался от своего намерения? – спросил англичанин.

– Не может быть, – ответила мисс Оретт.

Между тем время шло, момент отхода был близок, а Лаваред все еще не появлялся.

– О, – недовольно протянул сэр Мирлитон.

– Ты должен его сопровождать.

– Для этого нужно, чтобы он был здесь.

– Но может быть, он нашел более благоразумным уехать из Парижа в Бордо один, без тебя?

– Он, вероятно, это сделал, чтобы я не мог проверить, взял ли он билет, стоящий более гривенника, – прибавил он, смеясь.

Они осмотрели все вагоны, переполненные пассажирами, но Лавареда между ними не было. Вдруг мисс Оретт пришла счастливая мысль:

– В Париже, в этой суматохе, ты можешь потерять его из виду, но, ожидая его в Бордо, ты его наверно не пропустишь. Ведь на пароходе есть только один путь – по трапу. Он сказал, что в Полиаке будет пересадка на пароход, значит, тебе нужно отправиться туда.

– Я англичанин, и мне ничего не стоит сделать эту прогулку.

– Будь так добр и позволь мне проводить тебя туда, чтобы еще раз проститься с тобой перед кругосветным путешествием.

– Но если Лаваред приедет после отхода поезда, как я узнаю, что он опоздал?

– В этом нам может помочь миссис Гриф, которая его видела вчера на улице и у нотариуса. Пусть она здесь останется и подождет его. Она его узнает, конечно, и даст нам телеграмму в Полиак или в контору пароходного общества.

– Отлично.

Гувернантке объяснили все, что она должна была сделать, и взяли два билета. Мисс Оретт с веселостью, свойственной ее двадцатилетнему возрасту, была в восторге от этой короткой поездки.

Миссис Гриф поцеловала ее.

– До послезавтра, не правда ли, мисс?

– До завтра, может быть. Пароход отходит сегодня вечером и даже не остается на ночь в Бордо. Я думаю вернуться с ночным поездом, и всего вероятнее, что приеду завтра, а не послезавтра.

– Я вас встречу здесь.

– А я извещу вас телеграммой.

– Еще одно последнее распоряжение, миссис Гриф, – вмешался отец. – Как только моя дочь вернется, вы покинете Париж и поедете в Девоншир. Я не знаю, как долго продолжится мое отсутствие, это зависит не от меня, а от Лавареда. Во всяком случае, я предпочитаю, чтобы вы были дома, at home, в Англии.

Миссис Гриф почтительно поклонилась. Мирлитон и Оретт сели в единственное почти свободное отделение вагона и очутились против господина Буврейля, которого они не знали. Этот последний вынул из кармана большой блокнот делового человека и в ожидании отхода поезда стал записывать. В то время как Пенелопа искала глазами свою исчезнувшую горничную, Буврейль писал:

sss

«1) Предпочтительно останавливаться в английских гостиницах, так как в них больше удобства.

2) Избегать французов, кроме инженеров Компании.

3) Ни с кем не говорить о политике.

4) В случае затруднений прежде всего обращаться к французскому консулу».

/sss

Пока он это писал, Пенелопа вбежала в купе с сияющим, но взволнованным лицом.

– Папа, папа, – сказала она, – новость!

– Что такое?

– Господин Лаваред едет в одном поезде с тобой.

– В этом поезде?... Но я его не видал!

– Да и никто не видал. Он в ящике!

– В каком ящике?

– Ты ведь видел этот большой ящик с надписью «Панама».

– Тот, в котором находится рояль?...

Мирлитон и его дочь не могли не переглянуться.

– А! Господин Лаваред...

– Я тебе говорила.

Когда англичане произнесли имя Лавареда, Буврейль с изумлением посмотрел на них. В то время как кондуктор запирает двери в купе, он высунулся в окно и успел спросить дочь, стоявшую около вагона:

– Откуда ты это знаешь?

– От горничной. Она встретила одного из своих земляков, рабочего на товарной станции, который и рассказал ей, смеясь, что он видел в товарном отделении, как какой-то господин вошел в ящик. По всем признакам, это был господин Лаваред. Помощник начальника пришел закрыть отверстие, служившее дверью, и велел присутствовавшему при этом рабочему молчать.

– Что он и поспешил не исполнить?

– Ну что ж за беда! Ведь он проболтался только своей землячке, и, кроме нее, на вокзале об этом никто не знает.

– Отлично! Теперь он в моих руках! Я его задержу в Бордо, и его четыре миллиона пропали! – заявил Буврейль.

Мисс Оретт и ее отец не упустили ни одного слова из этого разговора.

Свисток, сигнал – и поезд движется. Буврейль, высунувшись в окно, посылает дочери прощальный привет, и вот все наше общество отправляется в Бордо-Полиак: Лаваред в своем ящике, Мирлитон, Оретт и Буврейль в своем купе. Всем известна привычка англичан никогда не заговаривать первыми с людьми, которых они совсем не знают. Буврейль заговорил первый.

– Простите, мне кажется, вы знакомы с господином Лаваредом, о котором говорила моя дочь? – обратился он к своим соседям.

– Да, мы его действительно знаем, – ответил сэр Мирлитон. – Но с кем я имею удовольствие разговаривать?...

– Буврейль, известный финансист, председатель синдиката панамских акционеров, – сказал он, подавая свою визитную карточку.

– Благодарю вас, милостивый государь, а я сэр Мирлитон, и вот моя дочь Оретт.

– А! Уж не тот ли вы англичанин, который фигурирует в статье «Эхо Парижа» под именем Мирлитона, эскавiera?

– Я не читал этой статьи.

– Вот она, прочтите.

Быстро просмотрев статью, англичанин сказал:

– Да, это я, а птица из породы коршунов – это вы, вероятно?

– Да. Вот негодяй этот Лаваред!

– Как я вижу, вы не из его друзей...

– О нет!

Мисс Оретт перебила их со своей милой улыбкой:

– Однако ваша дочь только что... Разве не было разговора об их свадьбе?

– Моей дочери хотелось бы этого, но он, бездельник, и слышать не хочет.

Перед мисс Оретт встал образ и вся неприятная фигура Пенелопы, и она в глубине души была вполне согласна с Лаваредом. Она решила, что этот молодой человек, спасший ей жизнь, достоин лучшей доли.

Между тем мужчины продолжали разговор.

– Да, – сказал Буврейль, – я лишу его наследства; сегодня же он будет задержан; вы, как соперник, конечно, будете рады этому и поможете мне?

– Я не намерен ничего предпринимать против него, это вопрос чести, предусмотренный в завещании. Я должен только следить за ним, но не делать ему никаких затруднений.

– Что ж, я буду действовать один, и дальше Бордо он не уедет.

Четырнадцать часов спустя багаж был выгружен на пароходную пристань. Буврейль не упускает из виду ящика со своим врагом и, потирая руки, направляется в контору таможни. В то же время раздается стук в доски ящика и слышится нежный голосок:

– Господин Лаваред! Господин Лаваред!

Это была мисс Оретт, которая инстинктивно, не размышляя, действовала в пользу Лавареда, против Буврейля. Поступая так, она действовала и против своего отца, но она не думала об этом.

– Господин Лаваред!

Ответа не было. Она продолжала вполголоса:

– Верьте мне, вам угрожает опасность, и я пришла вас предупредить.

В ответ послышался шепот:

– Это, кажется, голос мисс Оретт?...

– Да, – радостно сказала она, – выходите скорее!

– Я не выйду из своей спальни, пока ее не перенесут на пароход и я не почувствую, что мы отчалили.

– Но ее даже не перенесут, вашу... спальню!..

– Почему же нет? – спросил он, пораженный голосом Оретт, в котором слышалось отчаяние.

– Потому что один господин... я не знаю его имени... птица из хищников...

– Господин Буврейль?

– Вот именно. Он пошел за таможенными чиновниками и рабочими, чтобы захватить вас.

– Захватить меня, черт возьми!..

Говоря это, он открыл дверь и увидел взволнованную мисс Оретт.

– О, – воскликнула она, – он сообщил об этом в разговоре с моим отцом.

– Но что же он тут делает?

– Мой отец?... Он ведь должен вас сопровождать.

– Нет, не ваш отец, а тот...

– Он говорил нам, что едет в Панаму.

– Благодарю вас, мисс... Итак, господин Мирлитон участвует в заговоре?...

– Нет, папа дал себе слово ничего не предпринимать против вас.

– Чтобы дать Буврейлю возможность действовать?

– Он не имеет права ему препятствовать... Но я...

– Вы! – воскликнул господин Лаваред, выскочив на пристань. – Вы, вы мой ангел-хранитель, и вот почему вас Бог создал такой прекрасной!

– Пожалуйста, без комплиментов, мой спаситель, скорее спрячьтесь, так как они идут...

– Благодарю вас, мой добрый гений!

И, послав ей воздушный поцелуй, Арман спрятался за мешки и тюки, сложенные грудой недалеко от него. Мисс Оретт, слегка взволнованная, но со спокойным лицом, увидела приближавшихся Буврейля, таможенного чиновника и железнодорожного служителя. Из предосторожности она закрыла ящик.

– Вот он, – сказал Буврейль с жестом Наполеона при Маренго.

– Тут? Вы говорите, что тут спрятан человек? – спросил ошеломленный чиновник.

Ни тот ни другой не знали, как открыть ящик. Они пробовали открывать его и вдвоем, но все было тщетно, и мисс Оретт едва удерживалась от смеха. Тогда они стали толкать ящик, и по весу груза убедились, что ящик был пуст.

– Вы сумасшедший, – сказал железнодорожный служащий Буврейлю, – там никого не может быть.

– Он там! – утверждал Буврейль.

– Смотрите, я поворачиваю ящик одной рукой без малейшего усилия.

– Откройте ящик, и тогда мы увидим...

– Во-первых, у нас нет инструментов, а во-вторых, я не имею права взломать ящик без своего начальника. Я пойду за своими товарищами, чтобы перенести этот подозрительный ящик в бюро.

– А я, – прибавил пристав, – пойду за бригадиром, мы будем присутствовать при взломе.

– Вот так-так! – воскликнул раздраженно Буврейль. – Но ведь тем временем разбойник убежит!

– Ну, тогда останьтесь его сторожить, – сказали они ему уходя.

Буврейлю пришлось одному прогуливаться на небольшом пространстве шагов в двадцать между чемоданами, бочками, тюками, корзинами и разного рода товарами, отправляемыми в Америку или вывозимыми оттуда. Он был один, так как мисс Оретт отошла в ту сторону, где был спрятан Лаваред, подававший ей знаки.

– Я вас умоляю, мисс, уйдите, – сказал он шепотом. – Необходимо, чтобы все происходило без свидетелей.

Она молча поклонилась Буврейлю и пошла отыскивать своего отца.

– Ну что, дочь моя?

– Пока ничего особенного.

– А господин Лаваред?

– Я думаю, что ему удастся уехать.

– Тогда я пойду и куплю себе билет.

– Не себе, а нам!

– Ты тоже едешь со мной? – с английским хладнокровием осведомился Мирлитон.

– Да, папа, – так же спокойно ответила она. – Эта маленькая экскурсия в Панаму может быть интересна, а я еще не была в центре Америки.

– Путешествие просвещает молодежь... Но что ты берешь с собой?

– Небольшой чемодан и несессер с туалетными принадлежностями.

– Неужели, по-твоему, этого достаточно?

– Нет, я сейчас пойду и сделаю необходимые покупки.

– Хорошо. А что же будет с миссис Гриф?

– Я воспользуюсь тем временем, когда пойду за покупками, и телеграфирую ей, чтобы она немедленно вернулась к нам в Девоншир.

Пока отец с дочерью разговаривали на пристани у парохода «Лоран», находившегося под командой капитана Каслера, – около злосчастного ящика происходила следующая сцена. Перед разъяренным Буврейлем вдруг предстал улыбающийся Лаваред.

– Я так и знал! – радостно закричал финансист.

– Что вы знали? – спокойно спросил молодой человек.

– Что вы были там, – и он показал на ящик.

– Вы ошибаетесь, милостивый государь, я был в другом месте.

– Я отлично знаю, что говорю!

– Едва ли лучше меня, поверьте. Я прогуливаюсь, ожидая отхода «Лорана» в Америку, так же как и вы. Но только я делаю это с целью бежать от ваших любезных судебных приставов.

Буврейль презрительно посмотрел на него:

– Вы хотите бежать в Америку и притом прибегаете к обманам, хитростям и темным проделкам!

– В самом деле, в ящике изрядно темно.

– А я, – продолжал самодовольно финансист, – я путешествую днем, я плачу за свое место, заняв каюту номер десять.

Лаваред спокойно возразил:

– Я делаю, что могу, милостивый государь.

Вдруг быстрым и резким движением он открыл дверцу ящика и с силой втолкнул туда самодовольного богача; затем дверцы захлопнулись, и несчастный Буврейль не мог уже оттуда выйти. Он начал кричать, звать на помощь... Вдруг его голос затих. Неужели он задыхается от злости? А может, ему не хватает воздуха?

Но Лаваред не думал об этом. Он быстро убежал оттуда и направился на палубу, где собрались пассажиры «Лорана». Это было как раз вовремя. Минуты через две на пристань, где находились товары, пришли носильщики во главе с таможенным чиновником.

– А старика-то и нет, – удивленно сказал чиновник.

– Он, верно, потерял терпение и уехал, – заметил рабочий. – Отлично сделал.

Носильщики стали поднимать ящик.

– О! – сказал один из них. – Вот тяжелый-то!

– Да, в самом деле, он теперь гораздо тяжелее.

– Наверно, там есть что-то.

– Да, что-то шевелится.

Действительно, слышно было, как в ящике что-то перекатывалось. Таможенный чиновник прислушался.

– Как будто кто-то стонет!..

– Эге! Мы, значит, поймали!..

– Это контрабанда!

– Отнесем-ка этот ящик. Я наложу на него пломбу и запечатаю. Его не тронут, пока бригадир не позавтракает. Он приказал отнести этот ящик в контору начальника таможни.

Все это было тотчас же исполнено. А бедный президент общества акционеров, потерявший было сознание, успел за это время прийти в себя.

Но оставим его и вернемся к нашему пароходу «Лоран».

Все готово к отходу. Пустили пары, машина запыхтела, как укрощенный зверь, и черная, густая струя дыма взвилась над пароходом. Матросы занялись погрузкой багажа и товаров. Все пассажиры на палубе. Провожавшие покинули пароход; сейчас снимут трап. Помощник капитана кончил проверку пассажиров.

Итак, все налицо. Посмотрим только что заказанные каюты номер восемь и девять.

– Номера восьмой и девятый – это моя и моей дочери, – ответил сэр Мирлитон.

– Да, вы уже на палубе. Но я не вижу номера десять. Где же номер десять, записанный в Париже, в морском агентстве?

В это время какой-то человек бросился к трапу.

– Номер десять – это я! – закричал он отчаянным голосом.

– Ваше имя? – спрашивает помощник капитана.

– Буврейль, из Парижа.

– Так и есть. Вперед!

Раздается свисток, и «Лоран» величественно отчаливает. Отъехали. Два пассажира сталкиваются нос к носу на юте.

– А, господин Лаваред! – вскрикнул один из них.

– А ваша дочь вернулась в Париж, господин Мирлитон?

– Нет, милостивый государь, она здесь.

– Здесь? Как приятно начинать путешествие в ее милом обществе!

– Извините, милостивый государь... Но какими судьбами вы здесь? Я хорошо знаю, что стоимость билета превосходит ту сумму, которой вы можете располагать.

– Я ее и не превысил. Вот мои десять су, которые я еще не тронул. Вы можете это проверить, мой строгий контролер.

– Пусть так, но вы не ответили на мой вопрос.

– Это очень просто. У меня билет первого класса с продовольствием; за него уплатил господин Буврейль.

– Он заплатил за вас?

– Нет, за себя.

– Я не понимаю...

– Что же тут непонятного? Я в его каюте номер десять!

– А он где?

– Он? Он в ящике.

– А ящик на пароходе?

– Нет, он остался на берегу.

Сэр Мирлитон подумал несколько секунд, потом улыбнулся подходившей к нему дочери, слышавшей последние слова.

– Это некорректно с вашей стороны, – сказал он серьезно. Затем отошел и облокотился на перила борта.

Между молодыми людьми завязался разговор.

– Поздравляю вас с победой! – начала девушка.

– Если я и победил, то этой первой победой обязан вам.

– Вы, конечно, будете меня считать любопытной, господин Лаваред. Но когда случайно, – она очень покраснела, произнося эти слова, – когда случайно час тому назад открылась дверь в ваше маленькое помещение, предназначенное для путешествия, мне показалось, что там находилось сиденье, набитое шерстью...

– Совершенно верно.

– Для чего же это? – спросил мистер Мирлитон.

– Оно было приготовлено для продолжительного путешествия из Пиренеев в Париж одним фантазером, приключения которого я описал когда-то в газетах. Теперь я вспомнил об этом и, узнав, что этот ящик, о котором говорил весь Париж, находится еще на Орлеанском вокзале, я воспользовался им – вот и все.

– Я был прав, – сказал англичанин, – вы очень находчивый молодой человек.

Улыбка молодой девушки подтвердила мнение ее отца.

Облокотившись на перила, сэр Мирлитон смотрел в свой бинокль на землю, исчезавшую вдали. Вдруг что-то привлекло его внимание.

– Посмотрите, господин Лаваред, – сказал он, передавая свой бинокль, – у мола что-то движется.

Арман посмотрел по указанному направлению.

– Да, я вижу человека, размахивающего руками. Но его преследуют... Можно различить даже, что преследующие его в мундирах. Это, вероятно, жандармы.

– Что бы это было?

– Да это, наверно, Буврейль, без всякого сомнения! Значит, он не умер от апоплексического удара. Ну, тем лучше, тем лучше!

Между тем проехали Жиронду, и Лаваред думал уже, что он может быть спокоен на все время своего путешествия.

Стоянки парохода «Лоран»

Первые дни путешествия были весьма благоприятны для Лавареда. По утрам он выходил на палубу в обществе сэра Мирлитона и мисс Оретт. Тут он проводил время в приятной беседе с молодой девушкой и ближе узнал ее чудную чистую душу. Они говорили обо всем. Многочисленные путешествия Армана и сэра Мирлитона представляли интересную тему для их разговоров, но был один предмет, который мисс Оретт тщательно избегала.

Ни разу не было произнесено имя Пенелопы. Ни разу не было упомянуто о предполагаемой свадьбе, о которой проговорился Буврейль в вагоне при выезде из Парижа. Казалось, мысль об этом была неприятна молодой англичанке. Не было ли тут какой-нибудь тайны, тайны молодого девичьего сердца? Лавареду эта мысль не могла прийти в голову по двум причинам: во-первых, он не знал, что мисс Оретт были известны намерения Пенелопы Буврейль; во-вторых, он вовсе и не думал об этой неприятной особе, так как всецело отдался обаянию мисс Оретт.

Однажды утром, обменявшись с ней приветствием, он сказал:

– Скажите, пожалуйста, отчего вы владеете так безукоризненно французским языком?

– Ничего тут нет удивительного. Как большинство молодых, хорошо воспитанных англичанок, окончив свое образование в Лондоне, я была отправлена во Францию, чтобы усовершенствоваться во французском языке. Отец поместил меня в учебное заведение госпожи Лавиль, где я встретила несколько своих соотечественниц, таких же пансионеров, как и я, которым, благодаря их возрасту и английскому воспитанию, была предоставлена полная свобода, и мы почти каждый день ездили в Париж.

– Словом, вы почти парижанка?

– Но не так кокетлива, как они.

– Но зато у вас больше уверенности и спокойствия, следствием которых является самостоятельность, столь свойственная вашей молодежи.

– Это верно. Кроме того, Париж нам очень хорошо знаком и по другой причине. Отец там долго жил; он был начальником отделения нашего банка на улице La Paix; и мне приходилось гостить подолгу в вашей столице.

– Я должен вам признаться, что вы мне стали еще более симпатичны с тех пор, как я могу считать вас своей соотечественницей.

Хотя в слове «симпатичны», произнесенном крайне вежливо, не заметно было никакого другого оттенка, мисс Оретт покраснела, казалась смущенной и ничего не ответила. Разговор прекратился бы, если бы господин Мирлитон явился вовремя объявить, что позвонили к завтраку.

Стол для пассажиров первого класса на трансатлантических пароходах отличается обилием. Роскошь там положительно княжеская. И надо удивляться тому, как в открытом море, где, казалось бы, ничего и достать нельзя, можно получить тонкое роскошное меню первых французских ресторанов. Этот комфорт оценен по достоинству путешественниками всех стран.

Во главе стола сидит капитан. Офицеры постоянно вращаются между пассажирами, и нет ничего приятнее беседы с этими любезными моряками.

Обращаясь к Лавареду, каждый раз называли его: господин Буврейль. Для всех он был господином Буврейлем, пассажиром каюты номер десять. И благодаря ему, это имя приобрело хорошую репутацию. Живой, остроумный, с большим запасом интересных анекдотов, он нравился всем. Капитан и его помощник встречали Лавареда всегда с приятной улыбкой.

– Какой вы милый собеседник, – говорил ему помощник капитана. – Как было бы досадно, если бы вы опоздали!

– Да, если бы я приехал пятью минутами позднее, то пароход ушел бы без меня. Впрочем, кто мог это предвидеть?

– Позвольте спросить, почему вы опоздали, господин Буврейль?

– Извольте, я вам объясню. – И Лаваред с обычным апломбом, заставлявшим мисс Оретт и ее серьезного папашу улыбаться, рассказал следующее:

– Представьте себе, что в Париже меня давно преследует какой-то сумасшедший журналист или выдающий себя за такового, одержимый манией выдавать себя за господина Буврейля, то есть за меня.

– Манией?

– Да. Он до такой степени проникся этой манией, что сам уверен в том, что он господин Буврейль. Это тихое помешательство, и он пользуется свободой. А так как он опасен только для меня одного, то я примирился с этим.

– Но ведь это должно вам причинять массу неприятностей?

– О, до сих пор это меня не особенно беспокоило, а теперь, на время путешествия, я избавлен от него. Только когда мы встречаемся и я утверждаю, что я Буврейль, а он Лаваред, то у нас дело доходит до ссоры. Этот сильный приступ проходит у него после первого душа и нескольких дней отдыха. Кроме того, я никогда не теряю хладнокровия при этих вспышках.

– Умный человек и не может иначе себя держать с несчастным ненормальным человеком.

– Не правда ли?... Бедняга проводил меня до Бордо, и я с трудом мог отделаться от него; и то лишь благодаря таможенной прислуге я не опоздал на пароход. Но довольно говорить об этом, слишком грустно. Куда направляется теперь «Лоран», в Лиссабон?

– Нет, нашей первой остановкой будет Сантандер.

– Что же, будет прием пассажиров?

– Нет, свободных кают больше нет. Одна была свободной, но и та заказана одним путешественником, ожидающим нас на Азорских островах, куда мы зайдем после Португалии.

– Что это, француз, наш соотечественник?

– Не думаю, судя по его имени, или, скорее, по его именам: дон Хозе де Куррамазас-и-Мирафлор.

– А, значит испанский дворянин.

Путешествие совершалось без всяких приключений. На следующий день показались берега Испании; причалили к Сантандеру, где должны были простоять день. Наши друзья вышли на берег.

Ни прекрасная лесная флора, ни прозрачное лазурное небо – ничто не поразило их так, как сантандерское духовенство.

За двадцать пять франков Мирлитон купил у церковного сторожа индульгенцию, прощающую убийство. Он имел право убить человека и все-таки попасть на небо, но с условием не покидать Сантандер. Вне епархии индульгенция теряла свою силу.

Лаваред подсмеивался над этим, возвращаясь со своими спутниками на пароход. Но в то время, как пароход собирался отчалить, случилось нечто, обеспокоившее Лавареда и заставившее его забыть об индульгенции.

Какой-то экипаж на больших колесах мчался с невероятной быстротой; в нем сидел господин с безумным взглядом, с растерянным видом, с растрепанными волосами. Его можно было принять за сумасшедшего.

Это был Буврейль.

Он выскочил из экипажа, бросился на трап и в одно мгновение очутился на палубе, крича:

– Капитан!.. Где командир?

– Командир еще на берегу, – сказал матрос. – Он предъявляет бумаги для подписи. Мы отчалим, как только он вернется.

– Мне надо поговорить с кем-нибудь из начальства!

– Вот помощник капитана, обратитесь к нему.

Лаваред в это время разговаривал с этим помощником.

– Это мой сумасшедший, – сказал он тихо.

– Как! Он и сюда добрался!..

Буврейль, подойдя к помощнику и не видя Лавареда, сказал:

– Милостивый государь, я Буврейль!

Тот засмеялся ему в лицо:

– Знаем, знаем, господин Буврейль давно едет с нами из Бордо.

– В каюте номер десять?

– Конечно, ведь это его собственная.

– Это уже слишком! Каюта моя, и я Буврейль из Парижа!..

– В таком случае, кто же он, этот пассажир? – спросил насмешливо помощник.

– Почему я знаю!

– Может быть, Лаваред?

Буврейль вскочил. В этот момент он имел действительно вид сумасшедшего.

– Лаваред! – воскликнул он. – Этот разбойник... он опять здесь!.. Караул!!

Его надо было успокоить. Два матроса крепко держали его за руки.

– У меня есть документы! – рычал он.

Офицер обратился к Лавареду и к сбежавшимся на шум другим пассажирам, среди которых был сэр Мирлитон с дочерью.

– С ним припадок. Я велю ему сделать душ.

– Нет, – вступился Лаваред, – позвольте мне поговорить с ним.

– Как вам угодно. Но лучше было бы сделать душ.

В то время как они обменивались этими словами, Буврейль заметил англичанина.

– А вот, по крайней мере, человек, который меня знает и может подтвердить, обманщик я или нет.

Мисс Оретт наклонилась к отцу и быстро прошептала:

– Папа, вы ничего не скажете, вы не должны быть против господина Лавареда... это вопрос чести!

– Однако...

– Помните, что вы теряете право на четыре миллиона!

– Правильно!

Буврейль обратился к сэру Мирлитону:

– Скажите же, кто я!

– Я... я вас не знаю.

В ответ раздался гневный крик Буврейля.

– Но ведь это может свести с ума! – воскликнул он.

– Увы! Это уже давно свершилось, мой милый! – возразил помощник капитана.

В это время ангелу Лавареда, его Провидению, как он называл мисс Оретт, пришла чудная мысль.

Обращаясь к молодому человеку, она сказала:

– Господин Буврейль, постарайтесь узнать, как попал этот бедняга в Сантандер. Это может быть интересно, – добавила она.

– Вы правы, мисс.

Это вмешательство молодой англичанки заставило офицеров еще более убедиться в том, что ложный Буврейль и есть настоящий. Оно также было полезно Лавареду для его будущей самозащиты. Опасность, казавшаяся ему устраненной, угрожала более, чем когда-либо.

Однако в то время, как все это происходило, командир Касслер вернулся, дал приказание к отплытию, и «Лоран» уносил обоих Буврейлей. Их разговор происходил в присутствии Мирлитонов и помощника, останавливавшегося возле них каждый раз, когда ему позволяла служба.

С несчастным Буврейлем-настоящим было много неудач в Бордо. Во-первых, ему пришлось заплатить за пересылку ящика. Затем за обратный перевоз его в Париж; кроме того, плата за его собственный проезд. В суматохе он потерял свой билет первого класса, и никто не хотел ему верить на слово. Наконец, он все уплатил, браня и проклиная Лавареда.

Он думал, что все несчастья кончены; у него была только одна мысль: добежать до палубы парохода. Как раз в эту минуту пришли таможенные чиновники.

Железнодорожное общество ничего более не требовало с него. Но таможня и комиссар – другое дело. Был составлен протокол. Этого нельзя было так оставить. Буврейль, махнув на все рукой, бросается к пароходу.

Жандармы вмешиваются в дело, кричат, бегут за ним. Его ловят. Он сшибает с ног таможенного агента, толкает жандарма, но в конце концов его схватывают, сажают в тюрьму и привлекают за противодействие властям. Так проходит день. Один Бог знает, до чего злился Буврейль при мысли, что Лаваред ускользает из его рук.

Наконец явился полицейский комиссар, который смягчился после допроса. Он навел справки по телеграфу в Париж об обвиняемом. Ответ был следующий: богатый собственник и финансист. Благодаря вмешательству акционеров Панамы Буврейль наконец был освобожден, но должен был заплатить большой штраф. Он избежал процесса и суда, то есть большой потери времени, уплатив значительную сумму в пользу благотворительных учреждений города. Затем он отправился по Южной железной дороге с целью нагнать «Лоран» во время стоянки в Сантандере. В общем, перевозка, штрафы, протоколы, платежи, путешествия и прочее обошлись ему более трех тысяч франков.

И чем более смеялся Лаваред при этом печальном рассказе, тем более злился Буврейль. А чем более он сердился, тем более подтверждались уверения Лавареда в том, что он сумасшедший. В конце концов он так рассвирепел, что сэр Мирлитон нанес ему удар кулаком, и такой, на какой способен только англичанин.

– Он позволяет себе неприличные выражения при моей дочери!

Буврейль, свалившийся от удара, не мог прийти в себя.

– О! – вопил он, сидя на полу. – И он против меня!.. А я считал его своим союзником... Этот Лаваред какой-то черт!

– Добрый черт, во всяком случае, – ответила мисс Оретт, – потому что он хлопочет о вас с одним из офицеров.

– Обо мне?... Боже мой!.. Что он еще выдумает?

И Буврейль быстро встал.

В самом деле, Лаваред с помощником капитана о чем-то упрасивали командира. Пароход уже был в пути, и нельзя было выбросить за борт бедного сумасшедшего. Они просили оставить его на пароходе. На случай припадка его из предосторожности положат на ночь в лазарет; есть он будет с матросами. Чтобы не быть бесполезным, он может помогать кочегарам: свободная лопата всегда найдется.

Лаваред с холодной насмешкой сообщил ему об этом решении, и Буврейль пришел в страшную ярость.

– Ну вот, – сказал помощник, – опять начинается.

– Я не хочу, – кричал несчастный, – чтобы со мною обращались, как с нищим!.. Я Буврейль, и у меня есть деньги!

При этом он размахивал бумажником.

– Это, конечно, ваш бумажник? – спросил матрос у Лавареда. – Мы отнимем у него.

Арман остановил его.

– Нет, – сказал он, – оставьте ему, если он так дорожит им, а то опять будет припадок. Удостоверьтесь только, тут ли мой билет.

Мисс Оретт и сэр Мирлитон были, по-видимому, очень довольны.

От Сантандера до Азорских островов семь дней пути. Бедный Буврейль не в силах был целую неделю исполнять обязанности кочегара. Сначала он пробовал протестовать, но напрасно. Он должен был молча терпеть. На третий день он чувствовал себя разбитым, надорванным, даже не в силах был жаловаться и только в присутствии офицера издавал слабые стоны.

Благодаря щедрой подачке истопникам он был освобожден от работы. Но накаленная атмосфера этой части парохода была тяжела для его непривычных легких, и он просил разрешения больше не спускаться к машинам. Лаваред, которому он всегда посылал свирепые взгляды, похлопотал за него перед помощником капитана о том, чтобы несчастный финансист оставался в лазарете и даже получил позволение выходить на палубу.

– На палубу, да, – сказал офицер, – но не туда, где пассажиры. Пусть он будет вместе с экипажем.

Это более чем удовлетворило Лавареда. И он придумал искусный аргумент для того, чтобы его жертва более не жарилась внизу у паровых топков. Он утверждал, что сумасшедший кочегар представляет опасность для пассажиров. Ему достаточно не так повернуть рычаг, чтобы испортить машину.

Рассуждение было правильно. Офицер принял его к сведению, но придумал лучшее средство.

– Я надену на него оковы до следующей стоянки, и мы оставим его на Азорских островах; там португальские жандармы проводят его к французскому консулу, живущему в Понтэ Дельгадо на острове Сан-Мигель; а консул позаботится об его отправке на родину.

Вторая часть проекта была слишком выгодна для нашего друга, чтобы он не согласился на это. Он настоял на том, чтобы Буврейль был оставлен на свободе, находясь всегда среди команды и не имея права покидать нос парохода. Можно себе представить, сколько ненависти было в сердце Буврейля при виде удобно устроившегося Лавареда, которого обмахивал дежурный индус, прислуживавший в каютах первого класса, и к которому относились как к важному пассажиру, тогда как на него, заплатившего за Лавареда, смотрели, как на нищего.

Лаваред, наоборот, наслаждался с еще большим удовольствием всем этим комфортом. Путешествие начиналось хорошо. Он уже был в Атлантическом океане, и все шло гладко, несмотря на затруднения.

Сэр Мирлитон с удовольствием признавал это. Но настойчивый, как все англичане, зная цену деньгам и бессилие тех, у кого их нет, он терпеливо ожидал малейшего неисполнения условий завещания, чтобы предъявить свои права на четыре миллиона.

Четвертого апреля «Лоран» находился близ первого острова Флоры, где останавливаются французские почтовые пароходы трансатлантической компании. «Лоран» остановился здесь только для того, чтобы принять пассажира, – местного губернатора, важного чиновника одного из штатов Центральной Америки. Это объяснил Арману помощник капитана в ответ на его вопрос, сколько времени будут здесь стоять.

– Эти чудные уголки земли, – заметил француз мисс Оретт, – одни из самых лучших на свете; по счастливому исключению, на этом архипелаге Азорских островов нет ядовитых животных; существует местная легенда, что они не могут акклиматизироваться здесь. Но, как говорит географ Вивиен де Сен-Мартен, было бы неосторожно проверять это на опыте.

Это замечание Лавареда вызвало улыбку у молодой англичанки.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказала она.

– Продолжать свой доклад? Хорошо, но постараемся сделать его интересным и поучительным. Вы увидите, что все население девяти островов: Сан-Мигель, Терсейра, Пиро, Файяль, Святого Георга, Грациозы, Флорес, Святой Марии и Корво, превышающее двести шестьдесят тысяч – почти белое, белее, во всяком случае, жителей провинции Альгарвы с чудными черными волосами.

Жители Азорских островов в большинстве случаев красивы и хорошо сложены, их жены известны своей плодovitостью. Они состоят из трех народностей, так же как и население так называемых «африканских» островов – Мадейры, Канарских и островов Зеленого Мыса, хотя они ближе к Европейскому материку, чем к Африке. Эти три элемента, слившиеся уже несколько столетий, суть земледельцы, по происхождению мавры, португальские победители, появившиеся в XV веке, и – что менее известно – фламандские поселенцы, присланные матерью Карла Смелого, герцогиней Изабеллой Бургундской, которой эти острова, только что приобретенные португальским двором, подарил ее брат, король Эдуард.

По этой причине они даже назывались фламандскими островами, пока ими управлял Жак Портер из Брюгена; но этому скоро пришел конец, и их острова разделили участь Португалии, первой их владельницы, но не первой исследовательницы, так как архипелаг обозначен на итальянских картах XIV столетия.

Мисс Оретт доставляло удовольствие слушать эти рассказы Лавареда, у которого была чудесная память. Так проводили они время перед остановкой «Лорана». Многочисленная толпа любопытных ожидала пароход, так как французские суда обыкновенно останавливаются не у Азорских островов, а на острове Мадейра или по направлению от Дакара в Сенегамбию, на островах Зеленого Мыса. Но в данном случае исключение было вполне законно, потому что, как мы уже сказали, нужно было принять на борт важную особу.

Прибытие дон Хозе де Куррамазас-и-Мирафлор было событием для острова. Маленький, сухощавый, смуглый, с оливковым оттенком, дон Хозе был кузеном родственницы губернатора Сан-Мигеля. Это была красивая женщина, управлявшая домом и самим губернатором. Ее кузен был уроженцем Колумбии, но вследствие нескольких рискованных путешествий он почувствовал призвание сделаться гражданином Венесуэлы и время от времени – Коста-Рики.

На своей новой родине он принял сторону одного генерала, имени которого мы не помним, но знаем, что он был конкурентом доктора, фамилию которого можно не упоминать. Сторонники генерала были побеждены, и дон Хозе принужден был отправиться в Европу. Он прежде всего приехал в Париж. Что он там делал, мы узнаем впоследствии, может быть даже скоро. Затем он вспомнил, что у него была родственница, честолюбивая кузина. Он стал ее разыскивать и узнал, что она в родстве с губернатором Азорских островов. Он отправился к ней отдохнуть в ожидании лучших дней.

Эти дни настали. Вскоре, вследствие новой революции, сторонники доктора в свою очередь отправились в Европу и Северную Америку, а их заменили друзья генерала.

Всякому свой черед – таков обычай в республиках Центральной и Южной Америки.

Дон Хозе де Куррамазас-и-Мирафлор получил на свою долю нечто вроде должности префекта. Он был назначен губернатором Камбо и телеграфировал представителю своей нации в Париже, прося оставить место на первом уходящем трансатлантическом пароходе, чтобы доехать до Камбо.

Этот представитель в Париже никогда не меняется, каков бы ни был исход ежегодной революции. Предполагают, что так лучше: он будет больше осведомлен – рассуждение основательное. Видя, как приезжают и уезжают губернаторы и другие гражданские и военные чиновники, этот американец прекрасно изучил маршруты и был вполне сведущ во всем, что касается путешествий. Так, если сейчас по получении депеши дон Хозе он заказал бы места на первом трансатлантическом пароходе, уходящем из Бордо, будущий губернатор Камбо был бы принужден сперва отправиться на Мадейру на маленьком коммерческом судне. Там он увидел

бы французский почтовый пароход, идущий в Сенегамбию и Бразилию, но только бы видел, потому что лишь в Мадейре, согласно трактату, производится нагрузка грузов, тюков и пассажиров с пароходов «Steam Florida Circus» и «Liberia Company» – американской компании, управление которой находится в Талахассеке во Флориде.

Дону Хозе не пришлось ехать и часу на французском пароходе; оставив какое-то прибрежное судно, он перешел на пакетбот Соединенных Штатов, где не оказывают никакого внимания чиновникам маленьких испано-американских республик. Они слишком часто меняются, чтобы можно было придавать значение их положению, тогда как, заняв каюту на пароходе, отходящем 26-го, можно было быть уверенным, что к дону Хозе будут относиться с почтением и он будет пользоваться удобствами и роскошью французских пароходов. И так как «Лоран» нарочно остановился для него, то разве этим самым не увеличивалось его обаяние в глазах жителей Азорских островов? Это обаяние должно было отразиться и на его полуродственнике губернаторе, потому что его кузина отчасти способствовала этому.

Итак, все было к лучшему, и новое лицо присоединилось к нашим новым знакомым.

Почетный караул, сопровождавший губернатора и составлявший свиту дона Хозе, проводил его до сходней, сброшенных с парохода на пристань.

Мирафлор прошел первый, отдал честь капитану, поклонился остальным пассажирам и затем сделал общий поклон толпе, кузине и своему хозяину.

После этих приветствий поднялся вопрос о Буврейле. Узнали, что консула не существовало, – это было в промежутке между отставкой и назначением консула. Но местный коммерсант, следивший за французскими интересами до выбора нового консула, сопровождал губернатора.

– Не можете ли вы нас избавить от одного сумасшедшего, случайно попавшего к нам? – спросил офицер с парохода.

Коммерсант поморщился от такого способа рекомендовать человека.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал?

– Взять его у нас и отправить на родину при первом случае. Чтобы избавиться от этого трудного поручения, коммерсанту пришла удачная мысль.

– Во-первых, – заметил он, – у меня на это нет средств. Затем, так как рейсы отсюда во Францию непостоянны, я не знаю, когда его отвезут. Его надо кормить, но кто будет платить? Арестовать его? У меня нет тюрьмы. Так как он у вас на пароходе, то не лучше ли его довести до места назначения? Побывав в Америке, вы, вероятно, заедете в Бордо. Словом, вы его скорее доставите, чем я.

В это время подошел дон Хозе, великодушный и щедрый.

– Нет, милостивый государь, агенты португальской власти не должны вмешиваться. – И он величественно дал знак им удалиться. – Я беру этого несчастного под свое покровительство, – прибавил он, – и он будет при мне во все время переезда.

– Позвольте спросить, – сказал командир, – в качестве кого?

– В качестве моего слуги.

– Тогда вы позаботитесь о его пище на пароходе?

– Да.

– А вы не боитесь его припадков, приступов?

– Надеюсь, их не будет, а если и будут, то я буду обращаться с ним кротко.

– Но вы его не знаете!

– Нет, знаю, я его видел в Париже. Он мне оказал услугу, и мне хочется ему отплатить.

– Хорошо, но вы будете ответственны за его поступки, что бы ни случилось.

Сходни сняли. Простились в последний раз. И «Лоран» продолжал свой путь мимо островов красивого архипелага, чтобы выйти в открытое море.

Лаваред молча присутствовал при этой сцене. Буврейль обменялся с доном Хозе многозначительным взглядом, а журналист стоял на палубе, спрашивая себя, что могло произойти между этими двумя людьми.

Его Провидение, мисс Оретт, и тут ему помогла. С чуткостью, свойственной женщинам, она заметила жест удивления у дона Хозе, еще когда тот поднялся только на палубу. Буврейль также приложил указательный палец к губам, по-видимому, советуя губернатору молчать. Это ее заинтересовало. Быстро проскользнув за фок-мачту, она спряталась на минуту, но успела расслышать короткий разговор, который и передала Арману.

– Как, – сказал Буврейль, – важное лицо, которое мы ожидали, – это вы?!

– Я самый! Ни слова, прошу вас, – отвечал дон Хозе, – дело идет о моем будущем.

– Я вас не выдам, у меня на это есть несколько причин, которые вам хорошо известны, и еще одна, которой вы не знаете. Я вам нужен, вы мне нужны, вот и прекрасно.

– Что вам от меня нужно?

– Меня хотят удалить с этого корабля, а мне очень нужно на нем остаться; оставьте меня при себе, хотя бы в качестве слуги, и этого довольно.

– Это легко сделать.

– Примите к сведению: здесь не допускают, чтобы я назывался своим настоящим именем. Меня называют Лаваредом, – сказал он с улыбкой, похожей на гримасу.

– Великолепно.

И дон Хозе тотчас же исполнил обещание.

Из этого сообщения молодой англичанки Лаваред мог заключить только следующее: между этими двумя людьми существовала какая-то таинственная связь; но как узнать, какая именно?

Одно было ему ясно: пароход «Лоран» увозил двух врагов вместо одного, и это осложняло его положение.

Крестины в дороге

Если бы Лаваред и знал биографию дон Хозе, это его не успокоило бы. Дон Хозе был одним из искателей приключений, не имевших родины и ни перед чем не останавливавшихся.

В Париже ему нужно было жить. Когда он истратил деньги, привезенные оттуда, и потерял небольшой кредит, которым так легко пользуются в Париже иностранцы, начался целый ряд темных дел.

Прежде всего Хозе начал эксплуатировать доброту и сострадание многочисленных уроженцев Кастилии, нашедших убежище в Париже. Но они были не богаты, и этот источник скоро истощился.

Родственница, с которой он виделся на Азорских островах, помогала ему некоторое время. Но вскоре ей пришлось подумать о себе, чтобы не остаться нищей.

Дон Хозе присоединился к некоторым иностранцам, занимавшимся темными делами, и проник в игорные дома, где и проявлял свое искусство в разных недостойных делах. Немного плутовства, попрошайничества, долги, непорядочность – с такими данными путь делается скользким. Наш знакомый не устоял и скоро погрузился в мошенничество.

Жертвой его был ростовщик, дававший деньги под большие проценты. Но это было подставное лицо вместо другого спекулянта, который эксплуатировал страстных игроков. Этот ростовщик был не кто другой, как господин Буврейль, мастер на все руки, которого трудно было провести.

В это время Хозе звали просто Мирафлор. Может быть, это было его имя, а может быть, название его села – этот вопрос еще не выяснен. Когда Буврейля спросил один из соотечественников Хозе о том, что делает авантюрист, тот ответил:

– Если ваш друг будет так продолжать, то он кончит тюрьмой.

И действительно, дело клонилось к этому, так как Буврейль довел его до тюрьмы. Мирафлор нашел свой псевдоним, под которым мы его теперь встречаем. Испанский слух, польщенный его звучностью, признал это имя, и Буврейль невольно окрестил этого мошенника. Вот каким образом дон Хозе превратился в дон Хозе-Куррамазаса-и-Мирафлор, гражданина одной из южноамериканских республик.

Таково было положение дела. Ясно, что Буврейль держал мошенника в руках. Но на «Лоране» дон Хозе был ему нужен, и общий интерес скоро связал этих двух достойных людей.

В то время как пароход двигался от тридцатого градуса северной широты к тропику Рака, направляясь к линии экватора, Буврейль познакомил своего нового компаньона со своим неприятным положением. Обдумав внимательно, дон Хозе сделал следующее верное замечание:

– На пароходе пока все идет хорошо. Вы состоите при мне в качестве слуги и можете быть спокойны до конца переезда. Но с той минуты, как мы выйдем на берег в Америке, я делаюсь важной особой, и вы можете на меня смело рассчитывать.

– Я буду вам очень благодарен.

– Но я помню, что во время нашего маленького недоразумения в Париже товарищ прокурора сообщил мне, что приговор к заключению на несколько месяцев за просрочку, считающуюся по вашим законам преступлением, тем не менее оставляет меня вашим должником.

– Стоит ли говорить об этом, – заметил небрежно Буврейль.

– Напротив, будем говорить, – подчеркнул дон Хозе. – Ваш адвокат даже напомнил мне о том, что я ваш должник, и это была одна из причин, заставивших меня покинуть этот негостеприимный город. Не думаете ли вы, что следовало бы погасить этот долг?

Буврейль попался.

– Я очень рад... но вы, конечно, знаете, что у меня нет под рукой нужных бумаг... они в Париже.

– Достаточно было бы простой расписки, – холодно сказал Хозе. – Подумайте.

– Мы это сделаем по приезде.

– Тогда будет дороже.

– В самом деле?

– Конечно... нам нужно будет избавиться от вашего врага, что вызовет лишние расходы.

– Какие расходы?

– Даже в экваториальных странах выстрелы из револьвера оплачиваются отдельно.

– Но я не требую его смерти! – заметил осторожный Буврейль.

– Полумеры ни к чему не приводят; уверяю вас, что экономия здесь неуместна.

Дон Хозе начал выказывать себя в настоящем свете; по правде говоря, он нагонял страх на Буврейля – этого утонченного мошенника, операции которого не переходили законных пределов. Пределы эти, как известно, заходят довольно далеко, и закон прикрывает много не особенно красивых деяний.

«Лоран» приближался к экватору. Переход через эту воображаемую линию составляет для матросов праздник, известный всем, кто хоть немного плавал. Лаваред и Мирлитон говорили об этом, как вполне осведомленные люди.

– Странный обычай, во всяком случае, – сказала мисс Оретт.

– Если традиции могут служить оправданием, то он вполне извинителен, так как этот обычай существует очень давно. Может быть, это измененный языческий обряд, подвергнувшийся отчасти влиянию католицизма. Некоторые думают, что это остатки языческого культа, неопределенная религия народа-мореплавателя, имеющая отношение к поклонению солнцу.

– Но я читала, – заметила молодая девушка, – что этого обычая не было у спутников Христофора Колумба; это не доказывает древности его происхождения.

– Однако древнейшие из наших моряков упоминают о нем. Жан де Лери, отправившийся из Гонфлера в Бразилию в тысяча пятьсот пятьдесят седьмом году, говорит о нем как об обычае, существовавшем уже у первых исследователей, вышедших из Гавра и Дьеппа задолго до него. Другой мореплаватель, Сушю де Ренефор, написавший в тысяча шестьсот восемьдесят восьмом году «Историю Индии», описывает тропические крестины так же, как они происходят в наши дни на всех военных и коммерческих судах.

Сэр Мирлитон тоже вступил в разговор:

– Господин Лаваред прав, дитя мое, и я думаю, что мы унаследовали этот обычай от нормандцев – не от теперешних наших соседей и не от пришедших в Англию с Вильгельмом Завоевателем, но от «людей севера», появившихся в качестве пиратов поблизости нашего канала, который французы называют Ла-Маншем.

– На чем основываете вы ваше мнение, сударь?

– На шведской легенде одиннадцатого века; во времена короля Вильгельма Завоевателя, царствовавшего с тысяча сто семидесятого по тысяча двести сорок первый год, на горе Куллаберг в Скандинавии жил волшебник, разрешавший мореплавателям обогнуть мыс Куллен не иначе, как заставив кого-нибудь из них выкупаться. Теперь обязанности этого волшебника исполняет на экваторе бог тропиков.

– Все это очень любопытно, – сказала мисс Оретт, – но я никогда не видала таких крестин; мне бы не хотелось быть их героиней.

– Не беспокойтесь, отец ваш завтра уплатит матросам установленный выкуп; да, кроме того, герой уже намечен. Обыкновенно избирается для этой цели пассажир, ни разу еще не пересекавший экватора. У нас таковой налицо.

– Кто же?

– Этот милый господин Буврейль: стоит мне сказать слово боцману, и завтра он получит традиционную ванну в баке.

Мисс Оретт улыбнулась. Улыбка эта была знаком согласия. Лаваред не без удовольствия думал об этой маленькой отместке. При первом его слове боцман сказал:

– Этого сумасшедшего... что ж... хороший душ ему не повредит.

Итак, на следующий день, несмотря на крики и протесты, Буврейль был схвачен четырьмя людьми в костюмах служителей Нептуна.

Офицеры парохода, согласно обычаю, делали вид, что ничего не видят. Дон Хозе тоже не вмешивался в дело; он, в сущности, не имел ничего против, так как Буврейль слишком долго ломался, прежде чем дать расписку. Пассажиры поместились на корме, музыка заиграла торжественный марш. На палубе был праздник, все были веселы, исключая злополучного Буврейля.

Представление началось. Послышался громкий ружейный залп, показалось шествие бога экватора, а матросы, взобравшись на рангоут, пригоршнями бросали на палубу бобы. Бог, ведя под руку свою супругу – маленького юнгу со стружками вместо волос, – поместился на троне под грот-мачтой. Вокруг этой группы разместились придворные тропического двора, астроном, юнга-купидон и т. д. Все были в фантастических костюмах и длинных бородах из пакли.

Тогда бог Тропиков поднялся и в напыщенной речи объявил пассажирам и морякам, пересекавшим в первый раз экватор, что он по своей отеческой заботливости решил отрубить им голову, чтобы их вылечить от мигрени, и отпилить им члены, чтобы предохранить их от ревматизма. Затем прошел ряд больных. Каждого из них два жандарма подводили к покрытому доской баку. Больной совал по монете каждому из жандармов, ему подносили к губам священное кольцо, выливали в рукав или за шею флакон одеколона – и этим шутка кончалась.

Эта первая часть увеселения была сделана на скорую руку. Экипажу хотелось поскорее дожидаться очереди Буврейля. Сумасшедшего вполне предоставили матросам, и они ждали его с нетерпением. Финансист, ничего не подозревая, смотрел, как его товарищи проходили мимо бака, и, услышав свое имя, любезно отдался в руки жандармов, на которых была возложена обязанность провести его к «Pere Trois Piques». Радостное «ура» огласило воздух.

Буврейль окинул всех удивленным взглядом. Он увидел кругом восхищенные лица; матросы, пассажиры ликовали, и более всех Лаваред, стоявший около мисс Оретт, смеявшейся до слез, несмотря на британскую чопорность. Сам сэр Мирлитон под руку с дочерью, казалось, намеревался принять участие в общем веселье. Этот почтенный англичанин, конечно, с трудом удерживался от смеха, что придавало ему комичный вид.

Буврейль предчувствовал несчастье. Радость врага всегда худое предзнаменование. Он хотел убежать от матросов, но эти последние схватили и довольно грубо посадили его на доску, покрывавшую бак. Он пытался вырваться, но тяжелые руки пригвоздили его к месту. Другие представители тропического маршальства поддерживали его кто за голову, кто за ноги, так что он не мог и двинуться.

Один из палачей приблизился к нему и, держа перпендикулярно гвоздь над его головой, делал вид, что вбивает его сильными ударами молотка. При других обстоятельствах Буврейль понял бы, что это была только шутка, но с того дня как он вступил на этот злополучный пароход, все его дразнили, обращались с ним плохо и грубо, он потерял способность соображать. Увидя острие гвоздя и молоток, он, подумав, что ему пришел конец, испустил крик ужаса – ему ответили громкими взрывами смеха. Гвоздь был из выкрашенного хлебного мякиша.

Страх был комичен; ростовщик сознавал это, и его гнев возрастал. Он бросил на Лавареда взгляд, который заставил бы его дрожать, если б он не рассказывал что-то молодой англичанке, слушавшей его с полужакрытыми глазами, слегка покрасневшими щеками и с улыбкой на губах. Но не все муки кончились для несчастной жертвы. Появился другой палач с огромными клещами в руках.

Он объявил, что надо... вырвать ногти у пациента.

И снял с него... сапоги.

Третий нес пилу, угрожая перепилить шею; он только дотронулся до спины веревкой.

Буврейль больше не сопротивлялся и позволил себе вымазать лицо черным и белым.

Проделав все это, матросы егопустили. Он думал, что его испытание кончилось, и хотел встать. Его мучители как будто только этого и ждали; они качнули доску, на которой он сидел, и ростовщик самым смешным образом погрузился до шеи в бак со старыми помоями с углем от сожженной кости, солью, перцем, ваксой – словом, со всеми отбросами, какие только были на пароходе.

Буврейль делал необыкновенные усилия. Цепляясь за края, он пытался выкарабкаться. Но вдруг в бак был пущен нагнетательный насос, жидкость брызнула, и желтые потоки полились на голову несчастного. В это время с марса вылили на него воду из ведер, припасенных матросами для довершения этих странных крестин.

Ничего не видя, задыхаясь, Буврейль рычал, жестикулировал, напрасно отмахиваясь от этого ливня.

Все присутствующие разразились хохотом. Даже сэр Мирлитон не мог сдержаться. Душ не прекращался. Доктор на палубе поощрял матросов:

– Продолжайте, ребята. Вы делаете одолжение этому несчастному. Душ – лучшее средство от той болезни, которой он страдает.

И матросы не оставили его слов без внимания. Но есть граница человеческим силам. Смех мешал им. Матросы выпустили ведра и перестали удерживать пациента. Буврейль воспользовался своим положением. Одним прыжком, на который его мучители не рассчитывали, он выскочил из бака и бросился бежать, но в каком виде!

С него текло, он в ужасе дрожал. Лицо и руки были невозможного цвета. С волос текла вода, платье прилипло к телу, и при этом, вне себя от гнева, он грозил кулаком всем этим подсмеивавшимся над ним людям. Он побежал под палубу, куда Лаваред ему прислал для смены одежду, взятую из багажа Буврейля же, багажа, привезенного в каюту перед отплытием.

Это внимание несколько не успокоило ростовщика, потому что через час, умывшись и в сухой одежде, он встретил дона Хозе и, отведя его в сторону, сказал:

– Вы говорите, что в Америке легко избавиться от человека?

– Все зависит от цены, – ответил Хозе, улыбаясь. – У нас нет недостатка в храбрецах.

– Хорошо, мы, может быть, поговорим еще об этом.

Антильское море

Последние дни переезда были самые спокойные. Единственный инцидент произошел при приближении к Антильскому морю. Вдали на горизонте вечером при заходе солнца показался смерч; вода поднялась в виде колонны, соединилась с большой черной тучей и, казалось, была ею поглощена.

Так как это явление обыкновенное, то оно не очень удивляет мореплавателей. Впрочем, это зрелище очень любопытно, когда оно происходит на таком расстоянии, что опасаться нечего.

В этот вечер море стало фосфоричным; серебристые волны с силой разбивались о «Лоран», сверкая бесчисленным количеством искр. Поднялся разговор о причинах этого явления, и пока Лаваред с англичанами говорили об этом, другие были заняты соображениями иного характера. Между Буврейлем и Хозе был заключен род договора. Старый хитрец воспользовался несколькими днями переезда. Он наблюдал и ясно заметил возникшую симпатию молодой англичанки к Лавареду.

– Этот малый, – обратился он к Хозе, – сумеет устроиться во всяком случае. Если от него ускользнет состояние его кузена, что всего вероятнее, по праву наследства, то он найдет себе спасение... Четыре миллиона перейдут к англичанину, затем к его дочери. И благодаря женитьбе он получит деньги, которых иначе лишился бы...

– Эта молодая особа богата? – спросил Хозе, которого уже манили эти деньги.

– Да... у сэра Мирлитона большие личные средства; вы знаете англичан, они перестают работать тогда, когда обеспечены. Мисс Оретт единственная дочь. Если к миллионам ее отца присоединятся миллионы соседа Ришара, то это будет княжеская невеста.

– Досадно, если мы допустим, чтобы она досталась вашему врагу.

При этих словах у Хозе появилась нехорошая улыбка. Банкир Буврейль ответил ему движением губ, которое не делало его красивее. Но они еще не все высказали друг другу.

Буврейль подумал про себя: «А Пенелопа... Что будет делать Пенелопа, если я не приведу ей вероломного Лавареда сконфуженным и кающимся?»

А дон Хозе рисовал уже себе в будущем отдых после житейских бурь; все миллионы англичанки успокоят его старость, а ее прекрасная улыбка озарит конец его жизни. Вдруг молчание прекратилось. Оба поняли друг друга.

– Око за око, как всегда, – заметил американец, – я помогу вам препятствовать Лавареду успешно окончить свое безумное предприятие, но за это вы должны помочь мне получить руку мисс Оретт.

– Хорошо... и этого условия не надо подписывать?

– Нет, как всегда между порядочными людьми!

В сущности, дон Хозе мало думал о молодой англичанке, он имел в виду только ее деньги. Место губернатора в Камбо, Бамбо или Тамбо, различные префектуры, которые ему предлагали, все это было очень хорошо, даже лестно и до некоторой степени доходно. Но положение чиновников непрочны в испано-американских республиках, а жалованье – еще менее. Хроническая революция, бывающая каждые полгода, может происходить и каждые три месяца. Победенные партии уже думали об этом несколько раз.

Словом, хорошая женитьба казалась делом более прочным. Дон Хозе был еще молод; его титул в стране, куда он ехал, должен был льстить самолюбию молодой особы. Казалось, ничего не было легче, как скомпрометировать мисс Оретт и сделать брак неизбежным.

Нужно было последние дни как можно скорее сблизиться с мистером Мирлитоном, и все старания Мирафлора были направлены к этому. Буврейль помогал ему, чем мог. Даже его

взгляды при встрече с Лаваредом были менее свирепы, и тот мог думать, что антипатия его кредитора к нему исчезла. Но он ошибался. Буврейль готовил ему сюрприз.

– Любезный друг, – говорил он дону Хозе, – на «Лоране» этот негодяй присвоил себе мою фамилию. Он Буврейль, важное лицо, а я Лаваред, незначительная личность, полусумасшедший, посмешище экипажа. Пусть будет так... потерпим еще немного. Вскоре мы прибудем в Колон. И там я воспользуюсь почтением, которое оказывают на пароходе Лавареду.

– Что вы хотите этим сказать?

– Очень просто: господин Буврейль человек с положением. Как только я сойду на берег, я становлюсь Буврейлем, это мне легко сделать, потому что все мои документы при мне; мы там найдем настоящих властей и получим от французского консула приказание отправить его на родину!

– Понимаю. Я буду вам содействовать.

– Итак, его путешествие скоро прекратится.

Комбинация эта действительно была великолепна. При своей простоте, она могла осуществиться. Но Лаваред не был настолько наивен, чтобы не сознавать, что с приближением к Америке его рай кончался и начинался ад. Вполне откровенно он признался в этом мисс Оретт, которая расспрашивала его, смеясь, каким образом избежит он ближайшей остановки.

– Вы, конечно, понимаете, что я перестану выдавать себя за то лицо, имя которого я взял себе на время переезда. Я не успею ступить в Колон, как мне преградят дорогу серьезные затруднения.

– Что же вы рассчитываете предпринять?

– Не знаю еще; но, во всяком случае, не буду ждать этой остановки, чтобы сойти на берег.

В Мартинике, где пароход стоял почти целый день, Лаваред поступил так, как большинство пассажиров. Он сошел в Форт-де-Франсе. Что же касается Буврейля, то он еще был под арестом.

– Нужно с вами проститься? – спросила мисс Оретт.

– Нет... ведь я же должен дать вашему отцу возможность исполнить его миссию.

– Стало быть, затруднения вас несколько не смущают?

– Наоборот, они подбадривают меня... Мы здесь на французской территории, и даю слово, что я буду изыскивать средства к продолжению своего кругосветного путешествия, не преступая поставленных мне условий.

Это было легче сказать, чем сделать. Он был знаком с колонией, так как жил здесь во время одного из своих путешествий. Он направился к площади Саван с целью пройтись немного и обдумать свое положение.

Он размышлял так:

– Как быть?... Если я отправлюсь дальше на «Лоране», мы остановимся в Венесуэле и Колумбии, прежде чем достигнем перешейка. В этих местах почти нет дорог, даже почта перевозится на мулах... Значит, я только даром потеряю драгоценное время. Да и как я буду жить там? Если я, не покидая острова, достигну Сен-Пьера, то найду там пароход, идущий в Северную Америку... а на острове Святого Фомы будут пароходы, крейсирующие между Антильскими островами и Мексикой... это было бы очень кстати, но как я заплачу за проезд?

Обходя вокруг высокой статуи императрицы Жозефины, он увидел, что кто-то на него смотрит.

– Лаваред?... Ты ли это?

– Я самый.

И он внимательно осмотрел говорившего, которого тотчас же узнал. Это был его школьный товарищ.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Арман.

– Я тебе сейчас отвечу и задам тот же вопрос. Я с некоторых пор состою при особе губернатора.

– Значит, ты стал теперь креолом?

– Нет... только эмигрантом, так как я не уроженец колонии. А ты что тут делаешь?

– Я здесь проездом только и пришел подышать городским воздухом во время стоянки нашего трансатлантического парохода.

Товарищ не замедлил предложить ему абсента на кокосовом молоке, и разговор завязался. Арман расспрашивал про друзей молодости и других, которых когда-то знал на Малых Антильских островах.

– Что подельывает Жордан?

– Эмигрировал в одну из восемнадцати испано-американских республик. По последним сведениям, наш друг Жордан, разорившийся в дни бурной молодости, реализовал последние десять тысяч франков и уехал в Каракас.

Впрочем, помощник кригскомиссара знал его. Он жил в двух шагах, и друзья отправились к нему.

Это был интересный тип: креол, корреспондент ученых обществ, довольно высокого о себе мнения, что видно было с первых же слов.

– Я бы хотел знать, что случилось с моим другом Жорданом, который когда-то жил на Мартинике? – вежливо спросил Лаваред.

– Вы хотите сказать, – поправил его ученый, – на Мадинике?

– Это, разумеется, креольское название?

– Нет, сударь. Это настоящее название острова, данное ему туземцами.

– Ну, хорошо... но ведь я не знаю караибского наречия.

– Вы хотите сказать – карибского, потому что «караибское» есть французское искажение этого слова.

Лаваред не имел никакого желания спорить с этим источником местных знаний и снова вернулся к Жордану.

– Господин Жордан поселился в Каракасе, где открыл французский базар.

– Базар... Все по тридцати копеек?...

– Вы, конечно, парижанин, – серьезно сказал помощник кригскомиссара. – Базар в Венесуэле – это нечто вроде Лувра или Bon Marche, с прибавкой Темпля и Halles centrales... Там все продается, все можно найти. Дела идут счастливо. Капитал Жордана удесят�ерился. Каждые два года он ездит во Францию, чтобы делать закупки и избежать анемии, которой подвергаются европейцы, никогда не покидающие этих мест. Он даже принужден был открыть отделения базара в Боливаре, Сабанилле, Боготе; он, кажется, дошел даже до республик Эквадор и Боливия. Но главный центр – это Каракас.

– Вы его видите иногда?

– Да, но только не в зимнее время, то есть с июля до октября. Он приезжает сюда повидать Францию в хорошее время года, когда не бывает ураганов.

Поблагодарив хозяина и обменявшись с ним любезностями, гости простились. Времени прошло порядочно, и секретарь губернатора проводил Лавареда на пароход. Там все было перевернуто вверх дном. Был сильный прилив.

Это странное явление довольно обычно в тех краях, но тем не менее непонятно. При полнейшей тишине, когда волны вдали совершенно спокойны, образуются валы, которые усиливаются по мере приближения к берегу, так что у берегов море страшно бушует. К счастью, гавань Форт-де-Франса безопасна, защищена лучше всех остальных антильских портов, благодаря чему последствия этого прилива не были роковыми для «Лорана».

Несколько минут спустя Лаваред один задумчиво стоял на палубе. Он только спросил помощника капитана:

– Первая остановка, наверно, в Гуайре?

– Да; потом будет Порто-Кабельо, еще в Венесуэле; затем Сабанилья в Колумбии; но, идя в Америку, мы останавливаемся в этих пунктах только для передачи почты.

«Лоран» продолжал свой путь. Лаваред вернулся в свою каюту. Говорили, что он болен и к обеду не явится.

На следующий день сэр Мирлитон осведомился о нем. Буврейль и дон Хозе сами искали его везде; но его нигде не было. Лаваред исчез. Все были взволнованы, кроме мисс Оретт, которая, казалось, одна сохраняла свое британское спокойствие.

В Америке

Исчезновение Лавареда, конечно, было большим событием на пароходе. Сперва думали, что он упал в море. Но после остановки в Сабанилье сэр Мирлитон подошел к капитану и успокоил его. Он нашел в своей каюте записку следующего содержания:

ссс

«Через восемь или десять дней ждите меня в Колоне в гостинице „Истмус“, где я присоединяюсь к вам. Я не имею ничего против того, чтобы несчастный Буврейль, ввиду моего отсутствия, снова получил свое имя и каюту, но буду вам благодарен, если вы подождете следующей остановки „Лорана“, чтобы сказать всю правду.

Поклон вашей дочери.

Всегда к вашим услугам *Арман Лаваред*,
будущий миллионер».

/ссс

Англичанин исполнил все эти поручения. Было весьма вероятно, что Арман вышел из Гуайра в порт Каракас в Венесуэле, от которого он отстоит менее чем в пяти лье.

Личность Буврейля, значившегося в его бумагах, была удостоверена сэром Мирлитоном и знатным пассажиром доном Хозе Куррамазас-и-Мирафлор. Команда рассыпалась в извинениях, но эти сожаления были не вполне искренние, так как офицерам нравился веселый искатель приключений, исчезнувший в Южной Америке, и они невольно были холодны и сдержаны с тем, кто причинил им столько беспокойства во время перехода. Буврейль тем не менее занял подобающее ему место пассажира первого класса, и путешествие окончилось для него лучше, чем началось.

Все эти события, разумеется, сблизили четырех пассажиров, знавших Лавареда.

Дон Хозе воспользовался этим для того, чтобы проложить себе путь к миллионам англичанки. Но все было напрасно. «Жемчужина Великой Британии» оставалась неприступной, как английская пехота при Ватерлоо. Буврейль со своей стороны старался в отсутствие Лавареда умалить его в глазах сэра Мирлитона.

«Лоран» беспрепятственно прибыл в Колон, и пассажиры, сойдя на берег, занялись каждый своим делом.

Сэр Мирлитон и мисс Оретт спокойно отправились в английскую гостиницу «Истмус», содержащуюся с дорогим для англичан комфортом, – дорогим не только в прямом, но и в переносном смысле. Буврейль последовал за ними. Впрочем, это входило в его программу путешествия: «§ 3. Останавливаться предпочтительно в английских гостиницах». Вдобавок он не забывал, по какому делу приехал на перешеек: будучи представителем важной группы акционеров, он хотел видеть на деле состояние работ и лично убедиться, возможно ли довести их до конца в определенный срок. Дочери он писал, что Лаваред бесследно исчез.

ссс

«Ты можешь быть спокойна. Предмет твоих мечтаний потерпел неудачу в своем глупом предприятии. Он непременно должен вернуться сюда, потому что только отсюда уходят пароходы во все страны света. С него станется, что он вздумает продолжать путь; но прежде чем он решится на это, я поставлю ему несколько препятствий. Пройдут недели, месяцы – и твой прекрасный Арман будет считать счастьем вернуться к дочери Буврейля».

/ссс

Банкир должен был составить отчет, и для начала он отправился по железной дороге из Колона в Панаму и обратно, надеясь увидеть что-нибудь полезное, – путешествие довольно короткое, так как расстояние меньше, чем от Парижа до Монтро. Для этого нужны были опыт и специальные знания, которых у него не было. Он нашел бесполезным сблизиться с фран-

цузами, которые, по его мнению, были рады встретиться с соотечественником. Но при всей своей хитрости он не нашел ни одного достаточно наивного и болтливого, который бы ему все рассказал.

Что же касается дона Хозе, то он, сойдя на берег, казалось, сбросил с себя свое кастильское чванство и старался как можно более ступешаться. Колон находится в Панаме, то есть в одном из штатов Колумбии, и авантюрист не желал привлекать на себя внимания колумбийских властей.

Он даже пропадал два дня, так что его спутники не могли понять, куда он девался. Дело в том, что дон Хозе, бывший на самом деле потомком бедного индейца, отправился в маленькое местечко Мирафлорес, расположенное на склоне гористой возвышенности, поднимающейся над Тихим океаном. Там он поцеловал свою добрую старушку мать, исполнявшую черную работу на кофейной плантации. Будучи хорошим сыном, он оставил ей несколько пиастров, обещая дать больше, когда получит место префекта в Камбо.

Он снова появился в Колоне лишь для того, чтобы сообщить о своем немедленном отъезде.

Ехать сухим путем ему казалось небезопасно и недостаточно быстро. Коммерческие суда беспрестанно отправляются в Лимон, порт Коста-Рики на Атлантическом океане. По перешейку идет железная дорога, уже несколько лет соединяющая эти пункты между собой. Дон Хозе простился с семьей Мирлитонов со свойственным ему красноречием:

– Я не прощаюсь с вами, мисс, а говорю до свидания. Я еду принять бразды правления, доверенного мне народом; надеюсь вас там встретить и оказать вам гостеприимство. «Роза Англии» затмевает свет солнца!

Комплимент, не произведший никакого впечатления на «розу Англии», воодушевил Буврейля. По дороге к порту он сказал своему соучастнику:

– Во что бы то ни стало я заставлю сэра Мирлитона ехать сухим путем!

– Ему можно дать знать, что Лаваред находится в штате Коста-Рика, в городе, который я укажу.

– Да, это средство может быть...

– Я пошлю мулов до границы и, проезжая Сиерру, позабочусь об остальном.

Буврейль, опасаясь неприятного возвращения Лавареда, был не прочь воспользоваться помощью Хозе. Это, по крайней мере, вселяло в него уверенность, что миллионы очень дорогой «розы» не перейдут к Лавареду взамен наследства кузена. Это лучше, чем убивать своего будущего зятя.

Так проходила неделя. Назначенный Лаваредом срок приближался, а о нем еще ничего не было слышно. Буврейль был в восторге; он познакомился с неким Жероланом, руководившим работами, который сообщил ему много новых сведений о стране и которого он называл «господин инженер».

Сэр Мирлитон и мисс Оретт были спокойны. Они проводили время в прогулках по городу, осматривая памятники. И вот однажды, когда наши друзья занимались изучением местности, появился Лаваред – к великому отчаянию Буврейля и радости мисс Оретт, которую отчасти разделял даже спокойный сэр Мирлитон.

– Расскажите, – спросил последний, – как вы провели это время?

– Прежде всего отправимтесь в порт со мною и взойдем на «Maria-de-la-Sierra-Blanca», пароход, на котором я только что приехал. Я вам расскажу при свидетелях свою простую одиссею.

Несколько минут спустя Лаваред начал:

– В Гуайру мы прибыли ночью. Я воспользовался санитарным пароходом, принявшим меня за беглеца. Во всех южных республиках не хватает жителей, и европейцев, приезжающих с оружием и багажом, принимают с удовольствием. В Венесуэле практикуется это не так

часто, но Парагвай, и Аргентина, и другие привлекают к себе эмигрантов Старого Света всеми средствами, похвальными и не похвальными. Итак, меня приняли в Гуайре и даже накормили. Вечером я справился о дороге в Каракас, находящийся почти в двадцати километрах...

– Что вам там нужно было?

– У меня был свой план. Расспросив, где французский базар, я явился к своему старому приятелю Жордану, сделавшемуся одним из важных негоциантов. Я ему изложил положение дела, что рассмешило его, и он обещал мне помочь. Ему было очень легко это сделать как главе торговой фирмы. Жордан уже открыл несколько отделений своего дома и мечтает открыть еще. Он предложил мне заняться этим и прежде всего наблюдать за вновь открывавшимся отделением в Сабанилье, затем изучить американский берег, доехать до Веракруса, останавливаясь везде, где мне покажется нужным. Для этого он предоставлял в мое распоряжение свой пароход «Maria-de-la-Sierra-Blanca», на котором мы теперь находимся; им командует капитан Дельгадо, которого я имею честь вам представить и который меня скоро доставил сюда. Это единственное место, где мне нужно было остановиться, потому что здесь я должен был встретиться с вами.

– Отлично, но где вы достали денег?

Ловушка была слишком очевидна – и Лаваред в нее не попался.

– Но мне и не нужно было денег для всего этого... Жордан кормил меня, я работал для него, и мы были квиты. Господин Дельгадо может подтвердить, что я служу у него неделю и он еще не видал такого исправного служащего.

Моряк вполне согласился с этим.

– Я никогда не встречал человека более бескорыстного, чем этот француз, – подтвердил он.

– Благодарю вас за аттестат, – сказал, смеясь, Лаваред.

– Как? Мы не отправимся вместе по Антильскому морю?... Но ведь мы должны дойти до Мексиканского залива... Что скажет господин Жордан?

– Не беспокойтесь, ему все известно, и он только хотел помочь мне проехать опасное для меня место... Итак, останемся, и да хранит вас Бог.

– Я приглашаю вас обедать, – сказал Мирлитон, смеясь. – Это не нарушит условий борьбы, и помимо того, что это будет приятно моей дочери, я должен сознаться, что вы меня сильно интересуете.

– Я в восторге, – ответил Лаваред и не лгал, потому что счастлив был снова находиться в обществе молодой англичанки.

За обедом разговор возобновился:

– Вы должны мне сказать, – начал англичанин, – откуда и как мы будем продолжать наше кругосветное путешествие.

– Откуда? Из Центральной Америки... потом через Мексику, Сан-Франциско, затем...

– Хорошо, хорошо, но как?

– Как? Пешком.

– My God!

– И не теряя времени, потому что у меня в распоряжении только год... Если вы устанете, то можете остановиться, а я буду продолжать путешествие с завтрашнего дня, четырнадцатого мая.

– Но так как мы сейчас уезжаем, то где же вы будете сегодня ночевать?

– Не беспокойтесь. Я здесь разыскал своего старого дядьку из морского училища, господина Жеролана, он мне и предложил гостеприимство. Итак, до завтра... спокойной ночи.

Оставшись один, Мирлитон прошептал:

– Вот так настойчивость! Он достоин быть нашим соотечественником.

– Да, – сказала мисс Оретт, – и какой он веселый! Настоящий француз!

На следующее утро Буврейль первым явился к «своему другу» Жеролану. Сперва он написал дону Хозе о появлении Лавареда и о его желании продолжать путешествие сухим путем за неимением другого бесплатного способа. Он узнал все это от Жеролана, который передал это без всякого злого умысла.

Англичанин с дочерью вскоре присоединились к ним.

– Я не знаю, насколько вам знакомы эти края, – сказал Жеролан Лавареду, – но думаю, вам трудно будет найти проложенную дорогу. Менее чем через день пути вы встретите дремучие леса, убежище змей и диких зверей; в этих лесах живут только метисы, черные замро, авантюристы всех цветов, искатели каучука. В лучшем случае вы можете встретить кроткое индейское племя, это бывает. Но есть и другие племена, дикие, независимые и иногда кровавожадные.

– Картина неутешительная, – отвечал Лаваред, – но она меня не пугает. За неимением дороги, проложенной человеком, сама природа ее устроила, так как по обеим сторонам перешейка идет отлогий берег, по которому мы можем добраться до соседних республик. А Кордильеры ведь тоже дорога. Кроме того, если в лесах встречаются звери, которые могут нас съесть, то, логически рассуждая, там должны быть и такие, которых можно есть, как, например, лани и другие; наконец, в случае надобности можно проложить себе дорогу при помощи ружья.

– Я могу вам дать два, у нас нет в этом недостатка. Я даже лучше сделаю: нам, агентам канала, предоставляются некоторые льготы при проезде по железной дороге; я вас довезу до середины перешейка, в ущелье Кулебра в центре Сьерры. Среди моих служащих есть индеец из Путриганти, «добрый гений испанцев», хорошо знакомый с этой местностью. Он очень любит белых с тех пор, как французский доктор спас его жену от смерти. Если он согласится сопровождать вас, то будет очень полезен.

– Моя счастливая звезда посылает мне его, – сказал Арман, смеясь, – ведь я тоже немного врач.

Вскоре маленький караван отправился в путь, уводя и Буврейля в сопровождении Жеролана и Мирлитонов. Во время пути Лаваред обнаружил солидное знакомство с инженерными работами по прорытию канала.

Молодой француз не был молчалив от природы; Буврейль со своей стороны слишком старался узнать правду, и неудивительно, что разговор вскоре перешел на поразившее их зрелище.

– Канал, – говорил Жеролан, – сперва пересекает от Колона до Монкей-Хилл и Лайон-Хилл низкую равнину, где работы были очень легки, но дальше, между Гатумом и Табернильей, у Гамбуа, работать было очень трудно.

– Это местечко направо и есть Гатум?

– Да, это, кажется, самый большой склад бананов Центральной Америки. Вывоз в Нью-Йорк настолько возрос, что понадобилось построить специальные суда для перевозки и сохранения огромного количества этих фруктов.

– Ведь мы теперь на правом берегу реки? Может быть, это знаменитый Шагр, о котором так много говорят инженеры?

– Да, можно перейти на левый берег по железному мосту Барбакоа. Здесь Шагр спокоен, но дальше он страшен... Во-первых, вы видите кругом эти болота, в которых нужно было вырыть траншеи на протяжении тридцати километров... Подпочва не пропускает влагу, и мы здесь потеряли тысячи человеческих жизней.

В самом деле на всем видимом расстоянии равнина усеяна лужами со свинцовым оттенком. Над этими тинистыми болотцами постоянно стелется туман. Путешественники чувствовали себя окруженными тяжелой, вызывавшей тошноту атмосферой.

– Здесь, – продолжал Жеролан, – обильное испарение истощает человека. Неутолимая жажда мучает его. И подобно Танталу, он не может пить окружающей воды под страхом смерти.

Не говорю уже о москитах и других насекомых, ядовитое жало которых прокалывало кожу рабочих.

Наконец они вышли из этого ада.

– Но, – спросил Буврейль, – разве нельзя было обойти эту местность?

– Это кратчайший путь к самой низкой части Кордильеров.

– В таком случае, – заметил Лаваред серьезно, – сохранили бы время, людей и деньги, если бы до начала работ высушили болота. Наши инженеры уже делали подобные чудеса во Франции, а итальянцы подражают им в топях близ Рима.

Они только что покинули железную дорогу, и Жеролан повел их за Табернилью. Оттуда виднелись новые траншеи, где все было разрыто. За болотами текла река Шагр, состоящая из ряда потоков, которых предприниматели, кажется, не имели в виду.

– Это, однако, особенная река, – сказал Жеролан, – так как иногда можно ее свободно перейти, но через два часа после дождя уровень ее поднимается от шести до семи метров. Тогда вода, бурно стекая с покатости, уносит громадные куски скал. В эти дни траншея бывает залита, работа нескольких недель пропадает. Снова начинают трудиться, а Шагр опять шумит. Это было бы смешно, если бы не грустные последствия.

– Но здравый смысл говорит всякому, что опасно возводить постройки одоло такого неудобного беспокойного соседа, – заметил Лаваред.

– То же самое замечание сделал при мне чиновник, присланный французским правительством.

– Ну, – заметил Лаваред серьезно, обращаясь к своим друзьям, – я сказал это легкомысленно. Конечно, нельзя было и думать об осушке такого огромного болота, поддерживаемого источниками. Прежде всего надо было вырыть другое русло для Шагра и отвести его от канала, и тогда очищение болот будет легко.

Удивленный Буврейль слушал с большим вниманием. Однако он начал сомневаться и спросил сэра Мирлитона:

– Как вы думаете, возможно ли все это?

– Думаю, что да, – ответил англичанин, – это вполне разумно.

– В самом деле, – спросил Буврейль у Жеролана, – возможно ли изменить русло?

– Иногда достаточно простой плотины. У нас во Франции несколько таких плотин... Здесь это также возможно. С Табернильи начинаются пороги. От этого города до Обрако через Мануэль и Горгону – водораздел находится несколько к западу от этого последнего пункта – тянутся Кордильеры, окружая озеро Гамбоа, откуда вытекает Шагр, в который вливается еще один поток с востока. Довольно большая и широкая плотина могла бы изменить течение реки.

– Итак, Лаваред, может быть, нашел способ возобновить прерванные работы?

– Может быть... потому что все остальное не труднее начала работ в равнине Монкей-Хилл. За возвышенностью по направлению к Тихому океану долиной Рио-Гранде путь достигает широкого залива Панамы почти по прямому направлению.

– Ах, этот прямой путь... трудно провести его при естественных препятствиях.

– Нет, после нивелировки гористой местности идет плодородное и покрытое лесом пространство, где среди богатейшей в свете растительности возвышаются живописные местечки: Эмперадор, Параисо, Мирафлорес, Корозель, Ла-Бока. Затем конечной точкой являются Перико и Фламенко.

– Вот так молодец! – восхищался Лаваредом Буврейль. – Если бы он был моим зятем, то скоро удесятирил бы мое состояние.

В нем заговорил эгоизм. Хищник имел в виду только эксплуатацию энергии и ума для своей личной выгоды. Тем временем Жеролан послал за своим индейцем, жившим неподалеку, в Сан-Пабло.

Высокого роста, хорошо сложенный, с бронзовым цветом лица, ласковым взглядом, это был чистокровный индеец, что теперь составляет большую редкость в Панаме. Благодаря его аккуратности и послушанию его сделали надсмотрщиком за работами; это был один из немногих туземцев, оставшихся на службе в обществе. Сперва они были так же многочисленны, как и чернокожие, но скоро бежали от болот. Как известно, пришлось вместо них вербовать даже африканских негров и китайцев. Царство болот поглотило все!..

– Рамон, – обратился к нему Жеролан, – вот мой соотечественник и друг, инженер и доктор, который должен отправиться в Коста-Рику. Хочешь его сопровождать?

Индеец посмотрел на него и молча протянул ему руку. Арман не понял этого движения.

– Прибавь, – сказал он, улыбаясь, – что я путешествую без денег!

Рука Рамона оставалась протянутой. Лаваред инстинктивно протянул ему свою. Лицо индейца озарилось горделивой радостью. С ним обращались, как с равным, а не как со слугой!

– Твой друг мой друг, капрал, – сказал он Жеролану.

– Почему же капрал? – спросил Арман.

– Это все равно, что кадик, или начальник.

– Но белые говорят «капитан».

– Это еще остатки кастильского многоглаголанья.

– Итак, – сказал Лаваред, – ты хочешь оставить свою службу?

– Я оставался здесь только из благодарности к доктору, вылечившему мою Илоэ, – с грустью ответил индеец. – Все мои единоплеменники, которые не умерли в «адской траншее», возвратились обрабатывать свои земли... Я с радостью уйду, чтобы больше не возвращаться. Наш путь один и тот же, мы пойдем вместе с твоей и моей подругой.

И он показал на покрасневшую мисс Оретт.

– Shocking, – прошептал сэр Мирлитон.

– Эта молодая девушка не моя подруга.

– Хорошо... Илоэ сегодня вечером будет приветствовать твою сестру в моем доме в Сан-Пабло.

Было лишним объяснять индейцу, что мисс Оретт не была даже родственницей Лавареда. Жеролан знаком просил не входить в дальнейшие объяснения.

– Но, – возразил Лаваред, – я не один, со мною, как ты видишь, мое племя, – добавил он весело, указывая на несколько смущенного Мирлитона.

– Они пойдут за тобою... Ты француз и врач, и за это я тебя люблю и уважаю, ты инженер, и я должен слушаться тебя... Но прежде всего, так как ты француз, я сведу тебя к одному месту, здесь поблизости, где ты будешь горд и доволен.

Остальные последовали за ним. Маленькая компания долго взбиралась по горной тропинке, и когда достигла Сьерро-Гранде, индеец направился к высокому дереву, сделал Лавареду знак влезть на него и сказал:

– Это здесь.

Зрелище было действительно чудесное. С этого места видны оба склона Кордильеров и оба беспредельных океана: Тихий с долиной Рио-Гранде и Атлантический с долиной Шагра. Канал, пересеченный горой, казался ничтожным усилием рук крошечного человека перед гордым величием природы.

– Великолепный вид!..

– И редкий, – прибавил Жеролан, – нигде не увидишь такого простора.

– Спасибо, Рамон, что ты привел меня сюда, – сказал Лаваред, спускаясь на землю.

– Это дерево француз, – заметил индеец.

– Что это значит?...

Жеролан должен был объяснить это по дороге в Сан-Пабло.

– В тысяча восемьсот восьмидесятом году один лейтенант, Бонапарт Виз, бывший главным сторонником проведения канала, с другим офицером нашего флота, господином Арманом Реклю, открыли этот пункт Сьерры, откуда видна конечная точка работ.

Сэр Мирлитон, по-видимому, был доволен не менее Лавареда.

– Вы довольны, – сказал он, – и я тоже.

– Не меньше меня, – ответил Лаваред, – потому что дело касается открытия, сделанного одним из моих соотечественников.

– А я говорю, – возразил англичанин, – что я более доволен, чем вы... потому что если французский моряк первый увидел место сближения двух морей, то английский моряк первый предвидел, куда должен был прибыть ваш соотечественник.

Это было верно, и британская гордость имела оправдание. В 1831 году командир Пикок, недолго думая, точно определил линии сообщения между двумя океанами; железная дорога, а затем канал оправдали его предположения. Также шотландец Патерсон один из первых предвидел значение американского перешейка, названного им «ключом мира», и хотел завоевать его для своей родины. Он был побежден и прогнан в 1700 году испанским генералом Томасом Херрера, которому за это воздвигли статую в Панаме.

– Известно, впрочем, – сказал Лаваред, – что еще задолго до нашего времени поднимался вопрос о прорытии канала. Первый, кому это пришлось в голову, был не кто другой, как Карл Пятый, который в тысяча пятьсот двадцать третьем году по совету Сааведра поручил Кортесу сделать изыскания. В тысяча пятьсот двадцать восьмом году португалец Гальвао смело предложил императору исполнить проект; а Гомара, автор вышедшей через несколько лет «Истории Индии», указывает даже три различных направления.

– Но в таком случае, – заметил Мирлитон, – почему же понадобилось три столетия, чтобы возобновить изыскания по указаниям Гумбольдта?

– Потому что преемник Карла Пятого, благочестивый Филипп Второй, не хотел изменять природы из боязни испортить то, что Бог создал... и человечество должно было ждать, чтобы французский авантюрист барон Тиерри, бывший впоследствии королем Новой Зеландии, получил в тысяча восемьсот двадцать пятом году концессию, которой не мог воспользоваться; но чертежи этой концессии изучил в тысяча восемьсот двадцать девятом году президент Боливар... С тех пор было не менее шестнадцати проектов, составленных инженерами всех национальностей.

– Ты много знаешь о прошлом, – вдруг обратился индеец к Лавареду, – но ты, может быть, не знаешь многого существующего теперь, виденного мною, что объяснило бы тебе, почему работы были так трудны и изнурительны.

– Что ты хочешь сказать?

– Что положение рабочих было ужасное. Вода в болотах смертельна, жара невыносима... Где могли бы люди, особенно белые, подкрепить свои утраченные силы? В маленьких погребках, где назначенные обществами тарифы не соблюдались. Так, некоторые торговцы продавали воду из Франции по полпиастра за бутылку! Принимая во внимание, что страна болот не имеет воды для питья, ты поймешь, что рабочие осуждены были погибнуть от жажды.

– Но это невозможно!

– Да, – сказал Жеролан, – Рамон, к сожалению, не преувеличивает. То, что он называет французской водой, есть не что иное, как вода из Сен-Гальмье, которую бессердечные торговцы имели смелость продавать по два франка пятьдесят сантимов за бутылку. Вследствие этого бывали частые волнения. Грабили, даже иногда разрушали и сжигали некоторые из этих лабораторий... Но ремесло это было так выгодно, что почтенные негоцианты после двух или трех подобных несчастий покидали перешеек со значительным барышом в кармане. А гибель людей их нисколько не тревожила.

– Боже мой! Скольким беднякам стоил жизни этот недосмотр!

– И тут, – перебил Рамон, – твои соотечественники уплатили обильную дань. С уничтожением французских рабочих их набрали из всех стран, всех цветов; тут были и белые, и черные, и краснокожие... Но ты понимаешь, почему мои братья, индейцы из Ширики, а также черные замбо из Панамы, настойчиво отказывались от участия в работах.

Буврейль делал заметки. Все это представляло материал для его отчета.

Когда индеец усадил в свой экипаж Лавареда, мисс Оретт и Мирлитона, ростовщик не посмел попросить в нем места для себя. Говоря откровенно, слишком наивно было бы со стороны Лавареда увезти его с собой.

Буврейль вместе с Жероланом возвратился по железной дороге в Колон, чтобы там ждать ответа от дона Хозе. Прежде всего он отправил своей дочери Пенелопе телеграмму следующего содержания:

ссс

«Еще не возвращаюсь, еду не знаю куда за Лаваредом. Это удивительный человек. Поезжай отдохнуть на нашу дачу в Сенс; жди известий от меня».

/ссс

Тем временем наши путники достигли жилища Рамона. Индианка Илоэ оказала англичанам самое теплое гостеприимство.

Лаваред, Мирлитон и индеец устроились, как могли, и решено было завтра утром отправиться в путь.

Арман, Рамон и Мирлитон пошли вместе. Илоэ и мисс Оретт сидели в экипаже с багажом. Их вез мул в живописной упряжке; он двигался совершенно самостоятельно, не нуждаясь в погонщике.

Молодые женщины сразу подружились. Англичанка была в восторге от наивной простоты индианки, а Илоэ была очарована чистотой души мисс Оретт.

– Итак, – сказала Илоэ, – этот молодой человек тебе не брат и не жених, как мы предполагали... и ты повсюду следуешь за ним!

– С моим отцом, – заметила Оретт, краснея.

– Но ты очень интересуешься им... Не жених ли он твой?

– Нет, нет...

– Но ведь ты расположена к нему?

– Я!..

– Да, это видно по твоему волнению, по твоему смущению, когда ты говоришь об опасностях, которым он подвергался и подвергается еще теперь.

– У него благородное сердце, и он мой друг, вот и все.

– А! – ответила индианка, бросая на свою спутницу взгляд, по-видимому, смутивший ее.

Затем обе женщины замолкли. Индейцы говорят мало. Мисс Оретт задумалась, спрашивая себя, не права ли была наивная Илоэ.

Во всяком случае, если она и привязалась к своему спутнику, чувство это было еще совершенно бессознательно. Ее возмущала мысль, что ее расположение к Лавареду могло вызвать дурные предположения.

В эту минуту Рамон нагнулся к какому-то растению и сорвал его: затем передал его жене, которая все бережно прятала. Лаваред спросил, что это значит.

– Это гуако, – отвечал индеец, – растение, излечивающее от укуса коралловой змеи.

– Это хорошенькая змейка, похожая на женский браслет?

– Да, она в самом деле хороша, эта змейка красного цвета, с золотыми и бархатными кольцами, и действительно мала, так как длина ее не превышает двадцати – двадцати пяти сантиметров, но ее укус причиняет мгновенную смерть.

– Брр... – сказал Арман. – И ты можешь предохранить нас от этого?

– Да, при помощи этого растения. Создатель, посылающий опасности, дает и средство спастись от них.

– Это верно.

Сэр Мирлитон, слушавший молча, начал осторожно ходить, смотря на землю.

– Что ты делаешь? – спросил, улыбаясь, индеец.

– Смотрю, нет ли маленьких змей.

– Вот что! Тогда не гляди под ноги... Надо смотреть вверх.

– Как так? – воскликнул он.

– Да, эти змеи обвивают концы веток и свешиваются до земли. Ты легко можешь принять их за цветы.

Проверить эти слова на опыте было легко. По дороге был лес: там росли *copocaste* – род красного дерева низшего сорта, *madera-negra*, называемая матерью какао, потому что под ее тенью растет какао, часто попадалось дерево *chapulastapa* – коричневое дерево, считающееся самым красивым в этой стране. На конце ветки, под которой проезжала карета, вдруг задвигалась красная точка. Рамон взял гибкую палочку и одним ударом сшиб змею, разрубленную пополам. При этом распространился сильный запах дикого миндаля.

– Синильная кислота, – заметил Арман.

Змея упала на кусты. Сэр Мирлитон, по просьбе дочери, хотел ее взять, чтобы сохранить как воспоминание, но быстро отдернул руку, закричав от боли.

– Разве змея еще жива? – спросил Лаваред.

– Нет, – ответил индеец, – но куст, на который упала змея, *chichicaste*, и твой друг укололся... Возьми змею и дай твоей дочери.

– Но ты не укололся?

– Нужно только задержать дыхание, чтобы безнаказанно дотронуться до куста.

Хотя Арман знал многое, но этого он не знал.

– Сведения приобретаешь, путешествуя, – сказал он, улыбаясь, сэру Мирлитону, приложившему на больное место лист *quita-calzones*, который ему дал Рамон.

Больше не было приключений. Картина изменилась.

Не было величественных тропических растений, ярких цветов, странной формы плодов, но появилась густая трава, называемая *рага*, доставляющая особый корм, хороший и питательный. Это изменение указывало на соседство *гасиенд* и *ранчо* – хуторских участков, владельцев которых называют *испанцами*, какой бы они ни были национальности.

Для индейца, особенно для бедного, каждый гражданин «испанец» имеет право на почтительный поклон, почти коленопреклонение, сопровождаемое словами: «Ваша светлость».

Это вступление в разговор относится к давнему времени, к периоду завоевания.

Лаваред очень удивился, увидев недалеко от дороги оленя, похожего на своих собратьев, находящихся в лесу Фонтенбло. Животное покинуло дикий лес саванн, чтобы пастись на густой траве. Но ему не повезло. Рамон убил его и таким образом с лепешками, приготовленными Илоэ, обеспечил провиант маленького каравана.

Час спустя новое удивление ожидало нашего друга. Он увидел бедняка, который серьезно складывал большие камни один на другой.

– Что ты делаешь, Хозе? – спросил он.

Все индейцы отвечают на имя Хозе, как все индианки – на имя Мария. Это наблюдается всюду – от Мексики до Южной Америки.

– Вы видите, ваша светлость. Я строю «столб верности». Лаваред слушал с удивлением. Рамон должен был объяснить ему это:

– Индеец, покидая дом, собирает не более не менее как двадцать два камня и складывает их один на другой. Если при его возвращении он найдет столб в прежнем виде – значит, жена не переставала думать о нем.

Несмотря на свою природную серьезность, Мирлитон не мог удержаться от улыбки.

– Но разве ветер, дождь, гроза не могут поколебать этой легкой постройки?

Бедняк индеец взглянул на европейца.

– Разумеется, – сказал он, – но все-таки нужно, чтобы святой Эскипулас это позволил.

Снова потребовалось объяснение.

– Этот чудотворец, – сказал Рамон, – Христос негров, живший в Гватемале. Он перенес все земные страдания, даже ненависть жены. Но так как он был беден и любил индейцев – своих ближних, то сотворил это чудо для своих друзей в саваннах.

Эта легенда была рассказана совершенно серьезно, без восторженности, как самая обыкновенная вещь, но с такой верой, что Лаваред не решился выразить сомнение из боязни огорчить друга.

К вечеру снова вошли в саванны, Арман не захотел останавливаться в селах, населенных потомками прежних завоевателей. Там нужны были деньги, чтобы платить за ночлег.

Из покрывал и веток Рамон скоро устроил себе убежище. Илоэ изжарила четверть оленины, Мирлитон потчевал всех старым коньяком из своего запаса.

Ночь прошла почти спокойно. Почти – потому что москиты очень беспокоили англичан.

Мисс Оретт переносила все храбро. На самом деле приключения лишь забавляли эту молодую девушку. Что касается Лавареда, то, по примеру Рамона, он расположился на самых высоких ветках миндального дерева, с которыми сплетались на высоте пятнадцати метров ветви соседнего кедра... Он расположился верхом, защищенный слева и справа, и, завернутый в покрывало от мула, заснул сном праведника.

Москиты летают обыкновенно низко. Тут ему нужно было только опасаться вампиров, этих тропических летучих мышей. Но Рамон, чтобы их отогнать, курил какое-то душистое растение.

Рано утром наши друзья взглянули друг на друга. У бедняжки мисс Оретт страшно распухло плечо, потому что во сне она немного откинула войлочное одеяло, в которое ее завернула Илоэ, и злые ночные насекомые искусили ее. У несчастного Мирлитона лицо было неузнаваемо. Нос распух, веки тоже, на щеках громадные волдыри придавали ему вид, возбуждающий сожаление.

Но индеец скоро пособил делу: из своей дорожной аптечки он вынул щелочь и фенол, которые быстро излечили раны Мирлитона.

Во время подобных путешествий надо еще бояться лихорадок. Но у Мирлитона было свое лекарство – хинин. А Рамон указал на еще более простое средство.

– К тебе не пристанет лихорадка, если будешь пить грог из рома, – заметил он Лавареду, – у меня есть с собою целая бутылка. Это антильский ром. Есть надо мало и часто брать холодные ванны!

В Коста-Рике

В течение недели Лаваред имел случай убедиться в суетности презрения к богатству, потому что он один из всей компании шел пешком.

Сэр Мирлитон устал идти, купил мула у проходившего индейца и, сев на него без седла, сопровождал экипаж, в котором сидели мисс Оретт и жена Рамона.

Арман, хотя и не совсем довольный, благосклонно отнесся к своей судьбе, и, вероятно, Бог, покровительствовавший ему, был доволен его хорошим настроением, потому что в девятый день он пришел ему на помощь.

Они расположились ночевать в хижине тулэ – это настоящее имя тех, кого испанцы неправильно называют индейцами. Они проходили большие саванны по направлению к Чирики, одному из многочисленных местных постоянно действующих вулканов, когда журналист увидел близ потока Папайлито погонщиков мулов.

Около них паслось два мула. Упряжь блестела на солнце, и их вид не соответствовал жалкому виду двух мужчин, стороживших их, лежа под деревом.

– Это *arrieros*? – спросил Лаваред.

– Нет, – ответил Рамон, – у них не тот костюм. Один из них замбо, а другой индеец племени до; его племя далеко сзади нас к югу от работ.

– Из чего ты заключаешь...

– Что они воры...

И, подойдя к ним, он сказал резко:

– Благодарю вас, что вы опередили нас с нашими мулами. Они должны были ждать нас недалеко от Чирики.

Сказав это, он вскочил на мула, и Лаваред последовал его примеру.

Индейцы удивленно посмотрели друг на друга, а Рамон продолжал:

– Его светлость даст по пиастру каждому из вас в знак благодарности за ваши труды.

Оба протянули тотчас же руки. Лаваред, у которого не было денег, замахнулся палкой и закричал с гневом:

– Канальи, вы хотели украсть моих мулов!

– Нет... нет... Ваша светлость... Это Иеронимо, погонщик мулов из Коста-Рики, послал нас, обещая хорошую плату...

– Довольно... потрудитесь за этим обратиться к судье в Гальдере.

Пришпорив мула, он поехал за Рамоном. На этот раз серьезность индейца сменилась веселостью. Смеясь, он вывел нравоучение:

– Обворовать мошенника вдвойне приятно!

Они одно только знали – что мулы принадлежали Иеронимо. Судя по упряжи, этот *arrieros*, должно быть, служит у важного лица.

Несколько дней спустя Рамон объявил, что он прибыл к месту его назначения.

– Вот здесь живет мое племя. Иди прямо по дороге. Сегодня ты покинул территорию Колумбии и вступил в республику Коста-Рика. Оставь себе мулов, которых нам послал Бог; ты и твоя спутница могут ими воспользоваться. У твоего друга тоже есть мул, и ваше путешествие обеспечено. А я с Илоэ отправимся к своим родителям, братьям. Я счастлив, что мог проводить тебя и быть полезным; сделай мне честь позвать мою руку!

В этих простых словах звучало достоинство, и Лаваред с некоторым волнением расстался со своим кратковременным другом, оказавшим ему такую большую услугу.

– Рамон, – сказал он, – мы, может быть, никогда больше не увидимся.

– Кто знает, – прошептал индеец.

– Но ни я, ни мои спутники не забудут тебя. Если буду нужен тебе, позови меня, и я явлюсь, хотя бы с конца света.

– Я тоже, – закончил Рамон. После этого они расстались.

Дорога не была слишком удобной, но наши три друга ехали на прекрасных мулах.

Наступал вечер. Вдали сквозь густой туман виднелись скалы. Наши путешественники ели маисовые лепешки, оставленные им Илоэ. Необходимо было подкрепить себя, потому что путники не знали, где придется ночевать.

На границе нашли небольшой пост, но он был недостаточным убежищем даже для солдат. Путники, не останавливаясь, поклонились трем плохо одетым солдатам, представлявшим там армию Соединенных Штатов Колумбии. Тут они вступили в пределы Коста-Рики. В ста метрах дорога делала резкий поворот направо. Вдруг Арман, шедший впереди, увидел за скалой род лагеря: это были *argieros*, погонщики мулов, и с ними несколько солдат. Он остановился и сделал англичанину знак приблизиться.

Мгновенно раздались крики:

– Вот они!

– Это наши мулы!

– Я узнаю упряжь!

– Воры сами пришли к нам.

– Иеронимо! Где же ты?

– Поищите его!

– А этих покаведем к капитану Моралесу!

В одну минуту Лаваред, Мирлитон и мисс Оретт были окружены; несколько сильных рук грубо стащили их с мулов и привели к капитану, который стоял, облокотившись на пень, с сигарой во рту.

Рядом с офицером сидел мужчина, закутанный в плащ, высокий воротник которого закрывал лицо. Он наклонился к своему соседу, быстро сказал ему несколько слов шепотом, и офицер тотчас же встал.

– Тише, – сказал он властно. – Оставьте в покое эту молодую особу и ее почтенного отца и старайтесь на будущее время лучше узнавать людей!

Погонщики расступились.

– Сеньорита, – прибавил капитан, – и вы, сеньор, мы находимся здесь по приказанию нового губернатора дона Хозе Куррамазас-де-Мирафлора, чтобы сопровождать вас и оказать вам должные почести. Эти мулы и были предназначены вашим светлостям... Но мы ждали двух путешественников, а вас трое... Кто же третий?

– Арман Лаваред, свободный гражданин Французской республики, путешествующий для своего удовольствия.

В это время подошел Иеронимо.

– Сеньор француз, – заметил он, – сидел на одном из моих мулов, пропавших три дня тому назад. Я обвиняю его в воровстве!

– Ошибаетесь, три дня тому назад меня здесь не было; что касается до твоего мула, или, правильнее сказать, до твоих мулов, то мы их не украли, а отняли у воров. У меня есть свидетели, барышня и ее отец могут доказать, что я говорю правду.

В то время как он рассказывал о происшествии на дороге, благодаря которому Рамон захватил животных, человек в плаще снова шепнул что-то офицеру.

– Все это, пожалуй, так, – заключил капитан Моралес, – но я не судья, а лишь начальник конвоя. Мы проводим гостей сеньора губернатора со всеми подобающими им почестями... Что касается вас, синьор француз, то я вас арестую за воровство двух мулов; вы дадите объяснение судье, как только мы прибудем в Камбо.

Возражать было нечего. Правосудие, казалось, было против Армана. Он это понял и кротко, как фаталист, стал между указанными солдатами. Затем конвой и путешественники отправились в путь, наш бедный друг пешком, остальные верхом. Но его добрый гений, мисс Оретт, заботилась о нем.

– У моего отца, – сказала она офицеру, – был свой мул, я вижу, что им никто не пользуется, и вы меня премного обяжете, если дадите его этому молодому человеку; он наш знакомый и стал жертвой ошибки.

– Это можно, – ответил любезно Моралес. – Мне приказано сообразоваться со всеми вашими желаниями.

Лаваред, по крайней мере, мог утешиться, что тоже поедет на муле.

– Впрочем, – продолжал начальник конвоя, – нам сегодня вечером не долго ехать. Теперь мы едем по берегам Серро-дель-Бренон; достигнув Кото и Колорадо, мы остановимся у подножия Кордильеров в замке Круц. Там приготовлены комнаты и ужин для ваших светлостей.

Молодая англичанка задумалась. Этот сюрприз, ожидавший ее во владениях Коста-Рики, ничего хорошего не предвещал, а имя дон Хозе – тем более. Но отец был с нею, Арман также; казалось, что ей нечего бояться.

Однако таинственный человек в плаще на этот раз пропустил капитана Моралеса и, замедлив шаг мула, очутился рядом с Лаваредом. Первое время он с ним не говорил. Он только тихо посмеивался, что очень интриговало Армана. Проехав несколько шагов, он обратился к своему соседу на чистейшем французском языке:

– Итак, мне кажется, я отомстил за «Лорана»?

Лаваред удивленно воскликнул:

– Буврейль!..

– Я самый.

– Какое же счастье встретить вас в этих отдаленных краях!..

– Смейтесь, сударь, смейтесь! Цыплят по осени считают... и увидим, повезет ли вам завтра!

– Вы, стало быть, с вашим другом придумали какую-нибудь новую подлость?

– Во-первых, мой друг здесь хозяин; он представитель правительства, и так как он мне ни в чем не отказывает, то вы находитесь отчасти в моей власти... Ему достанется молодая англичанка, а мне красивый француз.

– Какова же моя судьба, мой милый волшебник?

– Очень простая... завтра вы будете приговорены за покражу мулов к тюремному заключению на год. В этой стране двенадцать месяцев дачной жизни не слишком тяжелы, и вы не замерзнете. Таким образом вы проиграете ваше пари и миллионы кузена... Я могу даже вам предсказать, что, пораздумав хорошенько, вы женитесь-таки на Пенелопе и сделаетесь моим зятем.

– Но, господин Буврейль, это усиление наказания, не предвиденное законами Коста-Рики, и я обещаю употребить все старание, чтобы избежать угрожающей мне опасности.

– Делайте все, что хотите, – вы не избегнете ее... у нас есть еще средства, чтобы вас задержать, но я не скажу вам заранее... Вы делаете ошибку, проезжая по стране, где самодержавно управляет дон Хозе – мой друг!

Что теперь делать?... Безропотно покориться на сегодняшний вечер, лечь спать и ждать следующего дня? Это и сделал Арман.

Уверенность в победе смягчила Буврейля, и Лаваред ужинал за одним столом с мисс Оретт, Мирлитомом, Моралесом и своим будущим тестем. По особой милости, стража была удалена, и ему прислуживал погонщик Иеронимо, который не жалел для него крепкого испанского вина, какое обыкновенно пьют в Центральной Америке.

Ужин прошел очень весело; Мирлитон опьянел, а Лаваред еще больше. По крайней мере, он заснул за столом, и его унесли в предназначенную для него комнату. Нельзя было предположить, что это была хитрость со стороны нашего друга; нет, он действительно спал, и спал крепко, от наркотического средства, подлитого ему Мефистофелем-Буврейлем. Сон его был так глубок, что он ничего не слышал и не заметил гнусной шутки, которую с ним проделал отец Пенелопы.

В полночь Буврейль на цыпочках вошел в комнату Армана, которого раздели и уложили. Лаваред храпел.

– Нет, голубчик, – прошептал банкир, – ты не будешь продолжать своего путешествия!

Он тихо взял одежду журналиста и связал ее, оставив ему только белье и ботинки. Затем вышел, бросил платье далеко в овраг и спокойно отправился спать.

Действительно, он мог быть спокоен. Если бы Арману и удалось даже ускользнуть от судебных властей в Коста-Рике, он должен был бы купить необходимые для путешествия вещи; а это нигде не делается за гривенник.

Когда утром все проснулись и Мирлитон, дочь его и конвой были на лошадях, капитан Моралес заметил отсутствие своего узника.

– Он еще спит, – шепнул ему Буврейль, – достаточно оставить одного погонщика с мулом и нескольких солдат, которые проводят его к судье в Камбо. Не теряя времени, исполняйте возложенное на вас поручение, то есть проводите эту молодую англичанку к дону Хозе в замок Круц.

Моралес поспешил исполнить приказание. Но мисс Оретт, еще накануне узнавшая Буврейля и слышавшая разговор двух врагов, спросила, где господин Арман.

– Он опохмеляется, – с приятной улыбкой отвечал ростовщик. – Он остался под присмотром погонщика Иеронимо и двух солдат.

– Но я думаю, что мы не должны бросать его на произвол судьбы.

– Совершенно верно, – сказал Мирлитон.

– Не бойтесь, – возразил Буврейль. – Он днем присоединится к нам; его стража получила необходимые инструкции. Что же касается нас, мы должны ответить на любезность господина губернатора и сейчас же воспользоваться его приглашением.

В тот же вечер капитан Моралес получил благодарность губернатора за то, что благополучно доставил в замок доверенных ему высокопоставленных лиц.

То, что дон Хозе высокопарно называл замком Круц, была простая гасиенда, окруженная кофейными плантациями и густой изгородью из кактусов.

Сначала Хозе принимал своих гостей радушно, как подобает настоящему испанскому дворянину; но вскоре обнаружилась его дикая натура авантюриста, и цивилизованный испанец уступил место деспоту, считавшему, что ему все дозволено. Он прямо и грубо попросил у сэра Мирлитона руки мисс Оретт.

– Священник здесь, в часовне, которую я велел устроить, и венчание может состояться хоть сейчас же!

– Моя дочь протестантка, – возразил сэр Мирлитон, желая выиграть время, – и этот брак не будет действительным.

– Ничто не мешает сделать его действительным с помощью вашего консула.

– Но я отказываюсь!.. – воскликнула молодая девушка. – И вы не посмеете стеснять свободу английской гражданки!

– Нет, посмею! – ответил Хозе со злорадным смехом.

После краткого приказания четыре индейских солдата окружили и связали Мирлитона.

– Заприте его и постарайтесь добиться, – сказал Хозе, – чтобы он дал согласие.

Последние слова он произнес со злорадством, искоса взглянув на бедную мисс Оретт.

– Я готова умереть, – решительно сказала она, – но никогда не выйду за вас!..

Она искала глазами оружие, желая защитить свою честь. Но ничего не было под рукой. Дон Хозе льстиво и подобострастно подошел к ней.

– Нет, мисс, – ухмылялся негодяй, – вы не умрете, но будете причиной смерти вашего отца, если по прошествии часа не сделаете того, что я ожидаю, то есть не протянете мне вашей хорошенькой ручки и не скажете «да».

И, покинув охваченную ужасом англичанку, испанец вышел с Буврейлем, который бормотал:

– Лаваред не получит англичаночки с миллионами, но мне кажется, что мой друг Хозе слишком злоупотребляет своею властью!

Одиссея президента

Что же делал в это время Лаваред?

Проснувшись позже других с отяжелевшей головой, он некоторое время не мог ничего сообразить. Где он? Что делает тут?

Яркий, теплый, сверкающий луч солнца проник в его комнату и вернул его к действительности. Лаваред вспомнил угрозы Буврейля, опасность, грозившую мисс Оретт, и поспешил встать. Тут его ожидал сюрприз, сначала очень комичный, но потом весьма досадный. Не было ни одежды, ни оружия. Лаваред сначала удивился, потом пришел в негодование.

– Это шутка мошенника Буврейля. У нас теперь тринадцатое июня... Неужели тринадцатое число принесет мне несчастье?

Лаваред зовет людей. Прибегает девушка Конша.

– Ваша светлость остались совсем одни в доме! – говорит Конша.

– Но я слышу голоса внизу под окном.

– Это солдаты, сторожащие вашу светлость.

– Солдаты?... Какая честь... или какая предосторожность!

– Да, и Храбрый Иеронимо с ними.

– Иеронимо-погонщик!

– Он самый.

В другом полушарии так же, как и у нас, в Старом Свете, женщины болтливы – в особенности в разговоре с изящным кавалером, даже когда он в самом примитивном костюме, – и Лавареду нетрудно было заставить Коншу говорить.

– Скажите мне, красавица, не знаете ли вы, откуда у него это прозвище – Иеронимо Храбрый?

– Это было после одной из наших революций больше года тому назад... Он, – гордо сказала она, – подал первый сигнал пронунсиаменто!..

– А!

– Да... Два месяца тому назад, когда свергли президента генерала Зелайя, чтобы вернуть его предшественника, доктора Гузмана, Иеронимо сделал первый выстрел!

– Значит, его ружье с репетицией?

– Я не понимаю...

– Это ничего не значит... Ему все равно, в чью пользу действовать... вот молодец!

– Синьор, у него добрая душа. Он не обидит даже кролика... и всегда стреляет в воздух... Впрочем, известно, что мы, жители Коста-Рики, не так кровожадны, как жители соседних республик... Во время наших революций не проливается ни капли крови!

Арман не мог удержаться от улыбки, слушая урок истории из уст такого миловидного профессора. Но, высунувшись в окно, он увидел еще четвертого человека, разговаривавшего с теми, которых он шутя называл своим почетным караулом.

– Боже мой! – воскликнула Конша. – Вот сам генерал Зелайя! Бывший президент!

– Который был перед доктором Гузманом?

– Ну да!

– Он, может быть, хотел бы вернуться?

– Об этом я ничего не знаю... Но бегу его встречать, потому что мы все его очень любили.

– Но в таком случае зачем его сместили?

– Потому что он отказал в повышении всем полковникам, находя, что генералов и так достаточно.

– Сколько же их?...

– Триста человек.

– А сколько солдат в армии?

– Пятьсот.

Лаваред разразился громким смехом, усилившимся при виде изумленного выражения Конши. Она тем временем вышла к генералу за приказаниями, оставив нашего друга не одетым, но с большим запасом сведений о местной политике. Теперь он знал дела республики, как никто другой, и с большим вниманием слушал разговор, происходивший на дворе между генералом и его «караулом».

Вот что он услышал.

Экс-президент Зелайя говорил:

– Иеронимо, наша партия рассчитывает на тебя. Этот негодяй Гузман не сдержал ни одного из своих обещаний и хочет вдобавок вернуть иезуитов! Прошлый год сигнал к революции подала провинция Никойа. Пусть на этот раз он идет с залива Дульче, и подаст его, как всегда, Иеронимо Храбрый. Но что с тобой? Ты точно колеблешься?

– Ваше превосходительство, – отвечал погонщик, – я не отказываюсь совсем... но мне хотелось бы знать... есть ли опасность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.